

Ф.Ф. Перчёнок

АКАДЕМИЯ НАУК НА «ВЕЛИКОМ ПЕРЕЛОМЕ»

Середина двадцатых годов. Передышка. Надежды. НЭП. Ленинград.

Отошли в прошлое хлебные пайковые осмушки, заменявшиеся, бывало, ста граммами натурального овса, и столовские обеды из травяного супа с ржавой селедкой. Научным работникам всех пяти категорий не надо самолично являться за пайком в Аничков дворец, волоча самодельные саночки либо тележку. Не отбирают комнат вместе с библиотекой, лабораторией, кабинетом. Реже врываются с обыском. Реже отказывают в пайке (хотя по-прежнему надо доказывать, что твоя научная специальность нужна Республике). Вновь пущены трамваи по центральным, «буржуйским» районам Питера. Профессора не работают в порту, где погрузка-разгрузка давала им, кому позволяло здоровье, средства к пропитанию. Вещи проданы и обменены. Настали времена, когда никто из академиков, кажется, не умирает ни от голода, ни от непосильного быта, ни от полного упадка духа: в 1918-20 так скончались В.В. Радлов, Я.И. Смирнов, А.С. Лаппо-Данилевский, Е.С. Федоров, Б.А. Тураев, А.А. Шахматов, И.С. Пальмов.

Будто отхлынула смывающая все волна. В 1918-23 побывали под арестом: из академиков — С.Ф. Ольденбург, А.И. Соболевский, А.А. Белопольский, В.И. Вернадский, И.Ю. Крачковский; из почетных академиков — Н.С. Таганцев; из членов-корреспондентов — А.А. Кизеветтер, Н.К. Кольцов, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, А.А. Дмитриевский; расстреляны почетный академик великий князь Николай Михайлович (историк) и член-корреспондент Т.Д. Флоринский (киевский славист). Ничтожно мало в сравнении с тем, что ждет впереди. В середине двадцатых, с февраля 1923 по начало 1928, из персонального состава Академии наук, кажется, только два члена-корреспондента, Д.И. Абрамович и К.В. Харлампович, прошли через арест и угодили один в Соловки, другой в Казахстан.

Часть науки втоптана в грязь. «Нам буржуазная статистика не нужна!» — заявил вскоре после Октября один из помощников Зиновьева в ответ на попытку спасти статистические материалы прежнего Министерства торговли и промышленности. Такое отношение встречала не одна статистика. К середине 20-х эмигрировали или высланы

не только многие «светила науки» — вышвырнуты вон сами науки и направления: правоведение, политэкономия, социология, философия, многие разделы истории, славистики, вообще — гуманитарных наук.

В «разворошенном бурей быте» энтузиасты науки собираются вокруг ученых-организаторов и возделывают новые оазисы вдоль того потока свободной мысли, что еще не вполне перегорожен. Институт прикладной ботаники, Физтех, Радиевый институт, Оптический, Институт экспериментальной биологии: всё науки естественные, с практической направленностью.

«Взрыв творчества» — едва ли продукт новых условий. Он продолжается повсюду. Его проявления — не только предреволюционный взлет отечественной науки, но и бурная научная жизнь по ту сторону красных фронтов, новые университеты на «белых» территориях, Украинская Академия наук при гетмане, Институт исследования Сибири при Колчаке, геологические и гидрографические экспедиции в раздираемой на части Сибири; а в двадцатые годы — пять русских и три украинские высшие школы в одной только Праге...

В высших учебных заведениях восстановился учебный процесс. В аудиториях сидят слушатели. Приутихли мобилизации в армию и на трудповинность. Вернулась из провинции часть профессоров. Открытия, закрытия, разделения, слияния и прочие скороспелые преобразования вузов продолжают, но частота и лихость их, по сравнению с 1917-23 годами, явно поумерились. Классовый прием, рабфаки и Пролетстуд. Подготовка студентов отчаянно слаба. Чистка профессуры дала необратимые результаты. Академические свободы потеряны безвозвратно.

С начала 1923 года у вузов и научных учреждений СССР — формальное право непосредственного книгообмена с заграницей. Академия создала у себя Бюро по международному книгообмену, оборот его измеряется десятками тысяч книг в обе стороны. Лакуны в научной литературе (с 1914 г.) не заполнить, но изоляция от мировой науки как будто начинает ослабевать. Редкие, для немногих, иногда за свой счет, — но снова командировки в Европу...

Часть науки подведомственна Наркомпросу (Академия наук, высшая школа), часть — Научно-техническому Отделу (потом Управлению) ВСНХ. В этой второй системе больше денег, здесь под крылом отраслевая, прикладная наука. Система НТО ВСНХ растет, проявляет склонность к поглощению не только отдельных ученых (сманивание ставками и возможностями), но и готовых учреждений. НТО ищет способа оторвать от АН самые лакомые куски. Геолком, подчиненный НТУ ВСНХ, желает, чтобы ему были переданы учреждения Академии, имеющие отношение к геологии. Возникший в Москве Институт прикладной минералогии, тоже подчиненный НТУ

ВСНХ, стремится стать главным геологическим учреждением страны и отснить Геолком. Коммунисты, главенствующие в ИПМ, обвиняют Геолком в отсталости — пока не во вредительстве. Центр-архив (во главе его М.Н. Покровский) с конца 1923 г. ведет тяжбу с АН за горы архивных документов. Короче, нарастает всеобщая борьба ведомств и учреждений за раздел и передел поля научной работы.

Отношения двух главных владетелей науки изначально включают в себя соперничество, интриги, рознь. Следует признать, что в НТО-НТУ, где раньше командовали Н.П. Горбунов, Л.Д. Троицкий, В.М. Свердлов, порядка все же больше. Сказывается и общая хватка ВСНХ, где умершего Дзержинского сменил Куйбышев. Наркомпрос всегда был царством прожектов и разглагольствований.

Есть система научных учреждений, независимая от вышеназванных, — Коммунистическая Академия и примыкающие к ней Институт красной профессуры и комуниверситеты разного уровня и профиля. Процесс их почкования-размножения не набрал полной силы, первое местное отделение Комакадемии будет открыто в Ленинграде в 1930 году. Начало и середину двадцатых годов, быть может, следует назвать инкубационным периодом этой системы. Две школы философов-марксистов бьются за первенство, но до 1927 года неясно, кто же из них (это будет «школа А.М. Деборина») одержит верх и окажется на время официальным толкователем Учения; только после этого развернется всю «внешняя» экспансия победителей. Вылупляются историки-марксисты, в Москве их учит летать Покровский. Прежде чем стаи оперившихся птенцов слетятся клевать на смерть «буржуазную» науку, им еще предстоит расстаться со взглядами сегодняшнего кумира — Бухарина.

Комакадемия многими — нарком просвещения Луначарский в их числе — осознается как вершина научной пирамиды, как учреждение, должное венчать здание советской науки. Право присуждать высшие научные премии в стране (премии имени Ленина) дано именно ей. В надвигающейся схватке научных ведомств она будет смотреть на бывшую Императорскую Академию Наук как на ближайшую естественную свою жертву.

Время кажется снисходительным к одной новой научно-культурной системе. Речь идет о своеобразном общественном организме, пустившем корни по всей стране. Имя ему — массовое краеведческое движение: две тысячи местных организаций, 50 тысяч активистов, множество музеев, держащихся на общественной инициативе. В 1921 году, собравшись со всей России для объединения дотоле разрозненных центров, краеведы обратились к АН с просьбой взять движение под свое покровительство. Так возник организационный центр движения — Центральное бюро краеведения при АН, председателем которого стал Ольденбург. В 1924, правда, ЦБК изъято из подчинения

Академии, но руководство не сменено. Ленинградские краеведы, в методическом отношении возглавляющие движение, разрабатывают концепцию «гуманитарного краеведения», которое, в противовес узкому «производственному краеведению» (оплот последнего — Москва), стремится изучать не одни лишь природные ресурсы и хозяйство, но всю «целокупную культуру». К местности и к городу ленинградцы подходят как к «собирательной личности», совокупность краеведов рассматривают как «нечто вроде всеобщего ополчения науки в стране». Из этого движения обещает вырасти «вольная народная русская академия»; пока же оно дает смысл существованию провинциальной и выброшенной в провинцию интеллигенции: спасение повсеместно гибнущих памятников культуры, сбережение старины, охрана природы...

Движение краеведов — крупная общественная организация, в традиционном смысле этих слов. Тривиальна мысль о том, что развитые общественные организации являются важнейшей структурной частью общества, признаком и опорой его нетоталитарности: это в полной мере относится и к сфере науки.

Двадцатые годы — время живого существования научных обществ. По стране их многие сотни, в Ленинграде — около ста, не считая научных кружков в вузах и музеях. В них вовлечены практически все научные силы города. Ленинград — «столица», местопребывание руководящих органов ряда обществ общероссийских... Подавляющая часть гуманитарных обществ закрыта в 1923 г., когда они проходили обязательную регистрацию. Но существуют полулегальные «профессорские кружки» и иные стабильные формы общения научной интеллигенции на частных квартирах.

Независимые демократические научные объединения тормозят развитие монополизма, всегда, как вирус, дремлющего в науке. В научных обществах встречаются в диалоге исследователи разных школ и разных поколений, от приобщающихся к науке до уходящих на покой последних могикан. Но, может быть, еще важнее, чем интеллектуальная жизнь, то общественное мнение и тот моральный климат, хранителями которых являются многие научные объединения. После неблагоприятного поступка коллеги просто не подадут руки. Деятельность ученых обществ — это «вторая жизнь» науки. Она больше ускользает от «всевидающего взгляда», чем то, что представляется в Гублит или читается с кафедры в студенческих аудиториях. Само существование этой неунифицированной «второй действительности» не может не беспокоить. Но сейчас, в середине двадцатых, чисто научных обществ почти не трогают. Нелегальные и полулегальные (в частности, религиозно-философские), объединения преследуются; смертельные удары, с массовыми арестами, обрушатся на них в 1927-28-29 гг.

Секретомании пока как будто нет. На рынке селедку и прочую жирную снедь заворачивают в крупномасштабные военно-топографические карты, и никто этого не замечает, кроме специалистов.

Цензура (за пределами командных идеологических высот) нельзя сказать чтобы зверствовала. Цензоры встречаются со своими «клиентами» лицом к лицу, хотя и через кассовое окно. «Не пушают» скорее из самодурства, чем из принципа, а иногда — всего лишь по дикому невежеству. Так, цензор, пропускавший в печать университетский курс петрографии Ф.Ю. Левинсон-Лессинга, красными чернилами зачеркнул в заголовке слово «петрография» и заменил его на «ленинграфия». Дело было вскоре после переименования Петрограда, и для восстановления заголовка пришлось-таки похлопотать¹.

Необузданное самодурство власти — привычная норма. В новой социальной пирамиде пробиваются вверх не лучшие, культ мозолистых рук служит прикрытием для них. «И откуда вы выбираете гоголевски-щедринских типов!» — скажет вскоре Вернадский Г.М. Кржижановскому.

Культы Сталина ничто не предвещает. Дорогу ему прокладывают другие культы: в Ленинграде — культ Зиновьева.

Вот характерная сценка. Во Дворце Труда — «смычка» трудящихся с академиками. Н.Я. Марр и С.Ф. Ольденбург рассказывают о своих заграничных поездках. Перед концом речи Ольденбурга дверь у эстрады, где стоят двое часовых, таинственно распахивается — выпархивают две девы в золотистых платьях, с золотистыми волосами. Молча садятся за стол перед кафедрой, возбуждая общее недоумение. Через несколько минут дверь распахивается вновь — входит «сам» Зиновьев в шарфе, кивает на ходу Ольденбургу, садится в приготовленное кресло. Выждав конец рассказа С.Ф., произносит длинную речь, которую записывают «золотые» девы, оказавшиеся стенографистками (так рождается многотомное собрание сочинений Зиновьева). Выходит после овации сначала один, минуту спустя — стенографистки. Садится внизу в бывший личный автомобиль Николая Второго²...

В общем, тенденции — разнонаправлены, тяготы жизни — переносимы, мера опасностей — не осознаваема. Развилки всех путей. Живая память обо всем оборванном. Середина двадцатых годов. Обманчивый и коварный НЭП.

Российскую Академию Наук ведет между рифов Сергей Федорович Ольденбург, Непременный Секретарь РАН. Бессребреник, аскет, добытчик пайков, писчей бумаги, дров и охранных листов для деятелей культуры, заступник вдов и сирот. Его квартира в здании РАН

¹ Архив Геогр. о-ва СССР. Ф.48. Оп.1. Д.98 (1). Л.103.

² Там же. Л.54.

загромождена личными архивами, которые оставлены ему на сохранение уехавшими из Петрограда, ушедшими в эмиграцию. Он воспринимает революцию как возмездие. Верит в народовластие, в Россию, в новых людей, в братство ученых. Предан молодежи, сам переживает возвращенную молодость, выглядит иногда глубоким стариком. Комок энергии, всегда готовый действовать и, если зовут, заседать. На него сыплются упреки в соглашательстве с властью, но искренние просьбы С.Ф. об отставке неизменно встречаются у академиков единодушную ответную просьбу: остаться до лучших времен на своем посту. Академия давно была бы закрыта, если б не он: это не преувеличение, за этим утверждением — ряд фактов.

1925 год. Двухсотлетний юбилей РАН. Ждут иностранных ученых. Получены новые помещения и дополнительные ассигнования на ремонт. Крупнейшее из общеакадемических учреждений, Библиотека АН (третья по богатству книжных фондов в стране), переезжает наконец в восьмиэтажное здание, специально для нее построенное еще в 1914 году; началась разработка книжных залежей минувшего десятилетия. Налажена выписка иностранных газет и журналов. Резко увеличены штаты, и директор БАН академик С.Ф. Платонов набирает знающих иностранные языки образованных интеллигентов, не смущаясь тем, что до 1917-го они были гвардейскими офицерами или занимали крупные административные посты: ни одного коммуниста, ни одного комсомольца.

Но процесс обволакивания Академии чуждыми ей структурами набирает силу.

В июле РАН переименована в АН СССР и объявлена высшим научным учреждением Союза. Ее вывели из-под Наркомпроса РСФСР и подчинили непосредственно Совнаркому СССР. В сентябре — одиннадцатидневные юбилейные торжества, сначала в Ленинграде, потом в Москве. Две тысячи приветственных адресов. Заседания, приемы, банкеты. Гости из 24 стран мира. Старейший из них — 90-летний санскритолог из Бомбея, профессор Модри — заканчивает свое приветствие возгласом: «Боже, благослови Россию, русский народ и его Академию наук!»³

На другой день после признания Академии высшим научным учреждением страны СНК образует специальную комиссию для разработки ее Устава: В.П. Милюгин (председатель), управделами СНК СССР Н.П. Горбунов, представители всех союзных республик; от АН СССР — неперемный секретарь АН С.Ф. Ольденбург и вице-президент В.А. Стеклов. Текст Устава пишет Стеклов, вскоре затем (1926) умерший. Проект Устава встречает в АН противодействие,

³ Ростов А. (Сигрист С.В.). Дело четырех академиков. // Память: Историч. сб. Париж, 1981. Вып.4. С.470.

его обсуждают полтора года. 31 мая 1927 года Совнарком СССР утверждает тот текст, который в ряде пунктов не совпадает с мнением большинства академиков.

Правду сказать, первый советский устав АН выглядел не так уж плохо, несмотря на ряд нечетких параграфов, открывавших путь к невыгодным для АН толкованиям. Были, понятно, выброшены содержавшиеся в прежнем (1836 года) уставе параграфы о неприкосновенности академических средств, исключительном праве АН на некоторые доходные издания, например календари, о том, что получающий академическую пенсию «может пользоваться оною и вне государства», и еще: «поступающий [...] в главное управление цензуры экземпляр каждой печатаемой внутри империи книги, по миновании в нем надобности, передается в библиотеку Академии»⁴. Но в главе под названием «Особые права АН СССР» осталось следующее:

1. Право бесцензурного издания своих трудов (достаточно подписи неперменного секретаря).

2. Право бесплатной пересылки корреспонденции и других отправлений в адрес АН и из Академии, включая значительные по весу посылки (например, с предметами экспедиционного снаряжения).

3. Право бесцензурного получения зарубежных изданий (и пересылки туда своих).

4. Право самостоятельных закупок за границей и беспошлинно-го получения из-за границы книг, карт, приборов, коллекций и т.д. Два следующих пункта были сформулированы впервые (была ли раньше нужда в формулировании этих естественных прав?):

5. Право беспрепятственного вывоза за границу академических грузов (включая рукописные произведения! — впрочем, «по постановлению Общего собрания и Отделений» и «по соглашению с Народным комиссариатом внешней и внутренней торговли»).

6. Право подвергать грузы Академии таможенному досмотру не на границе и не в портах, а в учреждениях-адресатах (т.е. в присутствии ученых)⁵.

Первейшей задачей АН СССР новый устав назвал: «развивать и усовершенствовать научные дисциплины, входящие в круг ее ведения»⁶. Этой формулировкой подтверждено, что Академия и впредь будет не властна определять границы своего «круга ведения»: наука разгорожена по ведомствам, и Комакадемия, например, своего не отдаст.

⁴ Уставы Академии наук СССР. М., 1975. С.96-97.

⁵ Там же. С. 128-129.

⁶ Уставы... С.120 (§2, п.«а»).

Академии вменено в обязанность «приспособлять научные теории [...] к практическому применению в промышленности и культурно-экономическом строительстве Союза ССР»⁷: наметился поворот к прикладному знанию, чреватый, пока еще неявно, недооценкой знаний фундаментальных. Тот же перекокс обеспечивался в уставе и введением утверждаемых Совнаркомом планов работы АН.

Ранее АН состояла из трех отделений, два из которых были гуманитарными. Устав слил Историко-филологическое отделение и Отделение русского языка и словесности в одно Отделение гуманитарных наук, и это означало, что центр тяжести в работе Академии резко смещается в сторону негуманитарного знания. Позже — *post factum* — стало ясно и другое: измененная структура — без ОРЯС, консервативности которого власти особенно опасались, — понадобилась для того, чтобы облегчить проведение в действительные члены новых фигур. Академики полагали, что обсуждают основы жизни Академии на десятилетия. Им оказалось невдомек, что изменение устава можно подчинить всего лишь ближайшей намеченной кампании, с тем чтобы и далее менять устав как угодно часто.

Устав закрепил чрезмерное сосредоточение власти в руках Президиума АН. Дела, «не терпящие отлагательства», позволено Президиуму не только решать, но и приводить в исполнение — с тем лишь, чтоб о принятых мерах было доложено ближайшему собранию академиков⁸. Одновременно появилась и пункт об исключении из АН СССР действительного члена, «если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР».

Еще при обсуждении проекта академик Н.К. Никольский писал, что новый Устав узаконивает «тот строй управления Академиею, который сложился явочным порядком в переходные годы военного коммунизма» — «со всеми его уже успевшими обнаружиться аномалиями». В самом деле, та особая роль, что выпала в предыдущие годы Ольденбургу и Стеклову, закреплялась на будущее в чрезвычайных правах Непременного Секретаря и Вице-Президента. По словам Никольского, дело велось к тому, чтобы превратить Академию «во всесоюзную Канцелярию по научным делам». «Военная субординация в высшем научном учреждении, бюрократическое монополизирование научной и научно-организационной мысли, замена коллективной творческой работы административным канцеляризмом, подчинение научного персонала Секретариату и объединение в нем функций делопроизводства и управления научной частью никогда научному делу пользы не приносили, — писал Никольский. — Еще первый регламент Академии Наук (1724 года, проредактированный в 1727 го-

⁷ Уставы... С.120(§2, п. «в»).

⁸ Там же. С.125(§37).

ду) знал, что "науки никакого принуждения и насилия терпеть не могут, любяще свободу". К несчастью, в истории академической науки этой свободе суждено было остаться только в предсмертных предначертаниях Петра»⁹.

Наконец, новый Устав обозначил и те механизмы, с помощью которых предстояло проникнуть в академическую Троицу: увеличение числа академических кафедр с 45 до 70 и новую процедуру выборов в АН, в которых на равных правах с академиками должны были участвовать «представители ученых учреждений союзных республик, по выбору последних»¹⁰.

От момента, когда академики вынесли свои окончательные и взвешенные суждения по проекту Устава, до утверждения Совнаркомом собственной версии Устава прошло почти четыре месяца. На это время падают решительные начинания власти в отношении АН.

Еще в декабре 1926 завязалось «дело Линденера», минералога, ученого секретаря КЕПС¹¹ и организатора экспедиций Академии. Б.А. Линденер стал жертвой карточной страсти и проиграл казенные деньги. То было время какой-то эпидемии чудовищных растрат, а государственные игорные дома были открыты днем и ночью. Теперь арестованного Линденера побуждают дать ложные показания против академика А.Е. Ферсмана в обмен на смягчение участи. Отказавшись от этого, он получит (в июле) 10-летний срок, попадет на Соловки, затем — после ходатайства КЕПС («было бы нецелесообразно лишать науку выдающегося специалиста») — в Хибины. Позже В.И. Вернадский напишет своему сыну: «Дошедшее до суда дело Линденера (мне близкого человека [...]) и не дошедшие до суда, приостановленные другие истории лишили АН твердой почвы. По существу, таких злоупотреблений много меньше, чем в других учреждениях — но они были, и этим моральная сила АН сломлена»¹².

В марте в Академии образовалась партийная ячейка. В нее вошли семь технических сотрудников и долго не было ни одного научного работника. Поначалу парторганизация была скорее органом внутреннего надзора, чем каналом воздействия на АН. Но канал этот таил в себе фантастические возможности: всего через несколько лет мозг страны, всесоюзная Академия Наук, будет рапортовать о выполнении очередных заданий... Василеостровскому райкому.

В середине мая «Ленинградская правда» напечатала фельетон «Академический ковчег». Академия переполнена, утверждал фелье-

⁹ Архив АН СССР (ААН). Ф.518. Оп.4. Д.9. Л.20.

¹⁰ Уставы... С.122 (§18, п.«б»).

¹¹ Комиссия АН по изучению естественных производительных сил России (СССР). Отнее пошло примерно полтора десятка научно-исследовательских институтов.

¹² Пять «вольных» писем В.И. Вернадского сыну: Русская наука в 1929 году. // Минувшее: Историч. альманах. Париж, 1989, Вып.7. С.431.

тонист, «сановными царскими бюрократами» и «остатками аристократических фамилий». «Чем это можно объяснить? Уж не тем ли, что маменькины дочки и папенькины родовитые сынки, господа прокуроры, тайные советники и камер-юнкеры оказались необычайно способными к высокой творческой работе в неизведанных отраслях науки? Подобное объяснение нам кажется чрезвычайно сомнительным. Для нас несомненен факт *подбора*, естественного классового подбора». Фельетон кончался фразой: «Аппарат Академии Наук СССР не может пользоваться правами экстерриториальности и не может быть ковчегом для бывших»¹³.

Рассчитанный на темного читателя, фельетон передергивал факты и напропалую лгал. Потрясенный Ольденбург написал письмо в «Ленинградскую правду» и длинный список фактических поправок «к сведению редакции»: «Комиссия по изданию Славянской библии образована и работает при Академии Наук ввиду того, что библия, совершенно независимо от ее содержания, является ценнейшим памятником славянского языка. [...] В академическом вестибюле никаких портретов "высочайших особ" не имеется, если, конечно, не включать сюда фигуру Петра I на знаменитой ломоносовской мозаике "Полтавская баталия". [...] Г.Н. Соколовский, университетский юрист по образованию, никогда не управлял делами ни одного из царских министерств [...]. В.К. Нищенко никогда прокурором не был [...]. А.Ф. Шидловский никакого отношения к аппарату Академии не имеет; он научный сотрудник Комиссии по изучению естественных производительных сил СССР, где, как прекрасный знаток нашего Севера, ведет работу по библиографии. "Князей", а значит и "княжен" Пилкиных никогда не существовало. [...] Баронов у нас, как известно, было много, и значительное большинство их принадлежало к материально совершенно не обеспеченной трудовой интеллигенции, что и имеет место по отношению к двум Штакельбергам, которые всегда жили исключительно на трудовые деньги»¹⁴. — Газета даже не ответила Ольденбургу. Отмыться не удалось.

Школой шумных нападок на АН было Ленинградское отделение Секции научных работников (подразделение огосударственных профсоюзов). Здесь подавали пример несколько лиц из ЛГУ и других вузов: М.В. Серебряков, В.А. Зеленко, В.М. Догадов... Уполномоченным Секции по АН сделался Р.А. Орбели — брат двух будущих академиков, работавший в библиотеке АН.

Внутри Академии очагом смуты и притягательным центром для склочников стал местком. Председателем месткома одно время

¹³ Горин М. Академический ковчег. // Лен. правда. 1927. 15 мая.

¹⁴ ААН. Ф.208. Оп.1. Д.288. Л.22-22 об.

был тот же Рубен Орбели; выше всех выбился здесь сейсмолог П.М. Никифоров (по распространенному мнению, связанный с ОГПУ)¹⁵.

Мощнейшим тараном антидемократической перестройки в науке стала созданная в Москве ВАРНИТСО — Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству. Это была организация из числа тех, что говорили от имени «всей советской общественности». Далеко не все партийные интеллигенты сочувствовали ее деятельности, но ее поддерживал высший партийный аппарат. Процесс создания ВАРНИТСО (внутренние конспиративные документы, внешние декларации, первоначальный состав) контролировали такие люди, как В.М. Молотов и А.Я. Вышинский. Инициатор ВАРНИТСО — А.Н. Бах: биохимик, вернувшийся в Россию в 1917 году после 32-летней эмиграции со славы старого народовольца и занявший место едва ли не главного научного эксперта ВСНХ. Зародилась ВАРНИТСО в апреле 1927, в инициативную группу входили, кроме Баха, В.М. Свердлов, Ф.Н. Петров, Б.И. Збарский, А.А. Ярилов. Эта группа делала погоду в НТУ ВСНХ и выражала интересы той части научного и околонаучного сообщества, которая желала укрепления московского научного центра за счет всемерного ослабления Академии наук и тяготеющих к ней научных организаций. В закрытых документах, написанных этими людьми, их программа предстает без грима: формальная независимость ВАРНИТСО от партии, с небольшим вначале числом ученых-партийцев в ней и с правом критики, демонстрирующей всем эту «независимость»; индивидуальный отбор в ВАРНИТСО, по типу приема в «партию нового типа»; немедленная кампания в печати против АН; использование ошибок и промахов руководящей группы АН и линия на моральное уничтожение лидеров прежней науки; нанесение по преимуществу не прямых ударов по этим лидерам, а репрессии против тех, кто может оказать им поддержку; ослабление материальной базы АН; разрушение ее связей с союзными и автономными республиками; завоевание командных высот в АН, а затем и полное овладение ею¹⁶. Исходя из этих целей, в ВАРНИТСО постоянно сортировали всех ученых на своих союзников, противников и колеблющихся. В начальный период борьбы за Академию руководители ВАРНИТСО считали близкими себе среди академиков лишь Н.Я. Марра и А.Ф. Иоффе. Период становления ВАРНИТСО длился примерно год, но в течение этого времени она была уже активно действующей силой. На учредительной конференции в мае 1928 Бах

¹⁵ Это мнение отразилось, в частности, в дневниках В.И. Вернадского (ДАН. Ф.518. Оп.2. Д.17. Л.19, 23 об.).

¹⁶ Тугаринов И.А. ВАРНИТСО и Академия наук. // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. №4.

стал ее председателем. В том же месяце (это было время Шахтинского процесса) приступило к работе и Ленинградское отделение Ассоциации.

Кто еще врался в ту пору (отчасти конкурируя между собой) навязать свою волю Академии и давать ей «ценные указания»?

Во-первых, она подчинялась Совнаркому СССР, во власти которого было открывать и урезать средства. С апреля 1926 функционировала «Комиссия СНК по содействию работам АН СССР» под председательством секретаря ЦИК СССР А.С. Енукидзе, ведению которой и подлежали все вопросы, касающиеся Академии (в том числе — такие большие, как направление работ АН и ее связи с границей, включая поездки туда). В «комиссию Енукидзе» входили Луначарский, Милютин, Горбунов, В.Н. Кнорин, затем еще М.М. Литвинов. В ее заседаниях участвовали Ф.Н. Петров и Е.П. Воронов. Она стала как бы наследницей комиссии по разработке устава АН («комиссии Милютина»). Для оценки отчета АН за 1925-26 финансовый год и ее плана на 1927-28 год — первого представленного наверх плана — была создана отдельная комиссия во главе с Милютиным, куда вошли Бах, Д.Б. Рязанов, Покровский, П.С. Осадчий, Вышинский, В.П. Волгин, Горбунов. Если к названным лицам, каждое из которых значилось на нескольких командных постах, прибавить предсовнаркома Рыкова, председателя Госплана Кржижановского и председателя ВСНХ Куйбышева, то приблизительно очертится тот московский круг, который вершил судьбы Академии. Текущие дела АН решались Отделом научных учреждений СНК СССР (заведующий — Воронов), который подчинялся Управлению Делами СНК (Горбунов). Воронов, случалось, посылал эмиссаром в Ленинград собственную секретаршу — А.В. Травину.

Но то все Москва, которая хоть и близко, но все же не рядом. А совсем рядом — Ленсовет (Н.П. Комаров, И.И. Кондратьев), губком (с 1927 обком; Б.П. Познер, А.И. Угаров), «Ленправда» (редактор М.А. Рафаил), уполномоченный ОГПУ по Ленинграду С.А. Мессинг. Из местного начальства здесь выделены те, к кому Непременный Секретарь чаще обращался с просьбами.

С февраля 1926 ленинградской партийной организацией руководит С.М. Киров. Он в Ленинграде после Зиновьева — все равно что Фрунзе в армии после Троцкого: политическая фигура двумя рангами ниже. Киров в первый период своей деятельности в Ленинграде — это символ провинциализации Питера, орудие подчинения его Москве. Когда он вырвется в партийные вожди и кое-что подымет в Ленинграде, это предопределяет и его судьбу, и судьбу города. О переводе АН СССР в Москву Киров в последнюю свою весну узнает из газет и помчится в Москву, и уже ничего не сможет изменить. А после 1 декабря 1934 г. чистка Ленинграда низведет город на по-

ложение рядового областного центра. Во внутрипартийной игре между «колыбелью Октября» и кремлевской столицей Всесоюзная Академия наук была той картой, которую каждый из партнеров жаждал держать в своих руках.

1928 год открывает полосу Великого перелома.

Видимо, еще до объявления выборной кампании в недрах властвующего аппарата составлен первый список желаемых и приемлемых кандидатов. Зам. наркома просвещения М.Н. Покровский, рассмотрев список, пишет в секретариат А.И. Рыкова, что большинство имен не вызывает возражений. Отводит группу партийных публицистов типа Ю.Ларина, у которых нет научных работ: «Едва ли нам удобно выдвигать более слабого кандидата, чем имеющиеся уже в Академии». Предлагает пополнить список фамилиями трех коммунистов, «вполне могущих стоять на одном уровне с теми академиками по гуманитарным и общественным наукам, которые в настоящее время в Академии уже имеются», — это Покровский пишет всерьез! И далее называет: Н.М. Лукин, В.М. Фриче, Ф.А. Ротштейн. Покровского «несколько смущает» отсутствие имен коммунистов-теоретиков, занимающих ответственные должности: «Нет почему-то ни Бухарина, ни Луначарского, ни Скворцова-Степанова. Если их стесняются выдвинуть именно потому, что они занимают "посты", то ведь это воздержание может быть истолковано и обратно — тем, что "сановные" коммунисты гнушаются званием членов Всесоюзной Академии»¹⁷. Ближайший результат: места в списке занимают Бухарин, Рязанов, Кржижановский и сам Покровский.

31 марта Горбунов в беседе с глазу на глаз указывает Ольденбургу, что «Москва желает видеть избранными Бухарина, Покровского, Рязанова, Кржижановского, Баха, Деборина и других коммунистов», затем добавляет, что «Москва, отдавая должное всем личным качествам и служебным Д.Н. Халтурина, желала бы видеть на его месте партийного»¹⁸. Д.Н. Халтурин — управделами Правления АН, он прекрасно ведет делопроизводство по административно-хозяйственной части. Требование сменить его сильнее всего ошеломляет Ольденбурга, и он говорит, что в этом случае вынужден будет сложить с себя вице-президентские дела, которые лежат на нем после смерти Стеклова. Горбунов просит пока так дело не обострять.

Несколько слов о распределении обязанностей в Президиуме АН. А.П. Карпинскому, президенту, 82-й год, его энергия и память слабеют. Президент в эту эпоху — скорее символ Академии, чем ее руко-

¹⁷ Цит. по: Есаков В.Д. Советская наука в годы первой пятилетки: Оsn. направления гос. руководства наукой. М., 1971. С. 178-179. Есаков В.Д., Левина Е.С. Академик Николай Иванович Бухарин. // Бухарин Н.И. Методология и планирование науки и техники: Избр. труды. М., 1989. С. 19.

¹⁸ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.50. Л.21.

водитель, что вполне устраивает «Москву». С.Ф. Ольденбург — самый давний и опытный администратор в руководстве АН: неприменный секретарь с 1904 г. Вице-президентов, согласно новому уставу, должно быть двое, но избран лишь один — А.Е. Ферсман. Громадную долю обширных вице-президентских обязанностей как взвалил на себя в 1926 г. (временно и дополнительно) Ольденбург, — так и несет. Он давно — ключевая фигура во взаимоотношениях АН с большевиками, а после смерти Стеклова эта его роль выросла еще больше¹⁹.

17 мая. В секретариате Обкома ВКП(б) утверждена закрытая «Директива о проведении кампании по выборам кандидатов в члены Академии наук СССР» и создана комиссия по руководству выборами.

Май. Академию лихорадит. Весь месяц работает комиссия РКИ: проверка работы АН. Атмосфера мелких придинок к каждому счету, к каждому взятому со стороны работнику...

Май - июнь. Торопливое выдвижение кандидатов учреждениями и группами ученых. Предположения выдвинуть уехавших (конкретно — философа Вяч. Иванова, ботаника В.В. Лепешкина, физика А.А. Эйхенвальда). Осторожное выяснение, утратили ли они советское гражданство. Слухи: «насколько известно, проф. В.В. Лепешкин весьма желал бы снова работать в СССР»²⁰. Неприятные неожиданности: академик И.П. Бородин не скрывает, что в письме Лепешкину рекомендовал ему не возвращаться сюда до окончания большой работы в Америке²¹. — Чувство единства русской культуры разбивается об устав: избирать можно только граждан СССР.

Пред нами письмо, на нем помета: «Для частного совещания» (в то время академики часто собирались на дому для непротоколируемых совещаний, обычно за чашкой чая). Автор — киевский историк В.П. Бузескул. Адресат — академик-секретарь Отделения гуманитарных наук И.Ю. Крачковский: «Я по-прежнему держусь того мнения, что справедливость требует избрать в члены Академии проф. Н.И. Кареева, который давно этого заслужил. [...] Возраст его, конечно, большой, но он не утратил свежести мысли и работоспособности, и я смотрел бы на его избрание как на акт справедливости». (Кареева не выставят). «Необходимо было бы иметь в среде Академии

¹⁹ В 1917-18 именно Ольденбург сделал решающий шаг в переходе от конфронтации к диалогу между АН и властью. Установилась возможность прямо, минуя «инстанции», обращаться к Ленину (в середине 20-х гг. аналогичным выходом «на Рыкова» обладал Стеклов), и это не раз спасало Академию в критические моменты. Блестящую психологическую характеристику Ольденбурга, данную сотрудницей Пушкинского Дома Е.П. Казанович (15.01.23), см.: Минувшее, 1986. №1. С.329-330.

²⁰ ААН. Ф.2. Оп. 1-1928. Д.89. Л.92.

²¹ Там же.

представителя по истории искусства или археологии, преемников Н.П. Кондакова, Я.И. Смирнова. Если бы здоровье Б.В. Фармаковского не пошатнулось, я бы назвал его; теперь, за болезнью его, единственным кандидатом является, как мне представляется, Д.В. Айналов». (Айналова выдвинут, но вакансии по этой специальности не откроют: история искусства — это не то, что нужно пролетарскому государству в эпоху социалистической реконструкции). «Если кандидатура Д.М. Петрушевского встретила бы непреодолимые препятствия, то можно остановиться на Д.Н. Егорове». (Более непреодолимыми окажутся препятствия на пути Егорова). «Скажу еще, что, по моему мнению, придется избрать представителя того направления, которое теперь занимает такое видное место, и я бы остановился на Рязанове»²². (Справедливо. Так думают и другие академики. Из всех, кого продвигает в академию власть, Рязанов сочетает в себе качества серьезного исследователя и организатора. Он создал образцовый по своей организации Институт Маркса и Энгельса. И по отношению к Сталину Рязанов держит себя независимо. Зато и продержал его в академиках лишь два года).

Срок выдвижения кандидатов истек 14 июня. Здесь из-за хитроумных оттяжек на местах потерялось еще несколько кандидатур: оказалось, не позднее этого дня должен быть штемпель ленинградской почты! Среди безвинно опоздавших — кандидаты, выдвинутые Институтом народов Востока (Е.Д. Поливанов и др.), Московским текстильным институтом (Л.С. Лейбензон и др.). Самоотводы начались до срока регистрации (психолог К.Н. Корнилов, математик И.И. Иванов).

Перед началом регистрации в печати началась новая, и более злая, кампания нападок на АН. Снова статья про «академический ковчег»: издевательства над славянской библией и над портретом К.Романова, украшающим «приемное зало Академии» (портрет вел. кн. Константина Константиновича кисти Репина висит в общем хронологическом ряду президентов АН), и опять — все тот же список «бывших», в котором повторены прежние, опровергнутые несообразности и прямая ложь.

«Низшие служащие Академии горько шутят: "Вернись Россия к монархическому строю, у Академии Наук готово для нее правительство. Кроме коронованной головы, все чины имеются..."»²³.

Запомним идею. — Не здесь ли зародыш сценария ГПУ, с которым встретимся год спустя?

Лето. Повсеместная травля инженеров, поиски вредителей среди технической интеллигенции. В ответ — бунт ученого-металлурга

²² ААН. Ф.2. Оп. 1-1928. Д.89. Л.67-68 об.

²³ Маровский В. Академический ковчег — целехонек. // Лен. правда. 1928. 17 июня.

В.Е. Грум-Гржимайло. Из его записки, адресованной начальнику Главметалла и в президиум НТУ ВСНХ: «Учение Маркса есть отсталое учение, уже потерявшее всякую под собой почву. Оно было создано в период расцвета мускульного труда и почти полного отсутствия технического знания и промышленности. Теперь картина резко меняется, и я совершенно убежден, что через 50 лет никакого пролетариата не будет. Как труд рабов, необходимый в древние времена, заменился работой пара и гидравлической силы, так труд пролетариата заменится электричеством. Наш инженерный идеал, зарю которого мы уже видим в железопрокатных заводах Америки, есть завод без рабочих. Это даст людям такое обилие жизненных ресурсов, что в классовой борьбе не будет смысла. Капитализм прекрасно справляется с задачей насаждения этой будущей культуры: гражданин САСШ уже сейчас в 12 раз богаче русского и во столько же раз лучше обеспечен жизненными ресурсами. Из сказанного очевидна одиозность диктатуры мозолистых рук. Но... фактически власть в России у большевиков... Это факт, с которым надо смириться. Большевики хотят сделать опыт создания социал[истически] пост[роенного] государства. Он будет стоить очень дорого»²⁴. Грум — первый металлург страны, он приобрел мировую известность как автор гидравлической теории плазменных печей. Когда в январе 1927 в Академию избирали первых членов-корреспондентов по техническим наукам, он, естественно, оказался среди них, а теперь выдвинут в академики. В свое время в Екатеринбурге его сопротивление «делу Клера» (1923–24), явившемуся прообразом «Шахтинского дела», заставило Грума покинуть государственную службу и основать в Москве собственное хозрасчетное Бюро металлургических и теплотехнических конструкций. Теперь, в ответ на Записку, его вызывают Куйбышев и Межлаук. Первый вопрос: чем вызвано это выступление? «Я ответил, что это единственный способ с моей стороны помочь моим товарищам, друзьям и русской промышленности, обратив внимание властей на невозможность занятой правительством позиции: из 21 инженеров, работающих в стеклоделии, сидит 15». Второй вопрос: что делать с Грумом? «Я заявил, что Бюро дает мне полную независимость, закрыть его нельзя, и купить меня тоже нельзя, ибо я вполне удовлетворен сделанным мной в жизни. Гидравлическая теория поставлена крепко и повернет мировую теплотехнику на русский угол; в ней уже работает целая плеяда моих учеников. Таким образом, жизненная задача моя кончена, мое дело не умрет, потому я ничего не имею встать хоть к стенке. Мы хорошо поговорили, и я сказал все, что следовало»²⁵.

²⁴ ААН. Ф.518. Оп.2. Д.14. Л.47–48. Записка от 18 июля 1928.

²⁵ Там же. Л.46–47 (из письма к А.П. Карпинскому).

Понятно, что после этого Грум не пройдет и предварительного отбора в академии. Он умрет в октябре 1928, и эмигрантская пресса приведет отрывки из его предсмертного письма: «Все знают, что никакого саботажа не было. Весь шум имел целью свалить на чужую голову собственные ошибки и неудачи на промышленном фронте. [...] Им нужен был козел отпущения, и они нашли его в куклах шахтинского процесса»²⁶.

Август - октябрь. Кандидаты идут к выборам сквозь хор хвалы и поношений. Группа в 40-45 предпочтительных для власти кандидатов выделена печатью почти сразу, и избраннейшим из них (вроде Бухарина и Деборина) расточаются такие титулы, что этим продвигенцам полагалось бы стореть со стыда. Самые же нежелательные награждаются скупым, сквозь зубы, признанием научных заслуг и хлесткой формулой: «воинствующий философ религиозного мировоззрения» (об Э.Л. Радлове, ближайшем ученике Вл. Соловьева), «он всегда был реакционером в философии» (о крупнейшем психологе-экспериментаторе Г.И. Челпанове), «ни общественного, ни культурно-бытового значения» (о византийском церковном праве — предмете исследований В.Н. Бенешевича)²⁷. Или вот так, помягче: «Лейтмотив философских построений проф. Шпета, при всей его "музыкальности" и выразительности, звучит диссонансом в стране строящегося социализма и прозвучал бы какофонией в стенах Академии, провозгласившей уже несколько лет тому назад лозунг единства труда и науки»²⁸.

Печать всемерно утверждает принцип коллективно-анонимного продвижения кандидатов. Как сама собою разумеющаяся, подается мысль, будто с теми, кого поддерживают многие и многочисленны коллективы (от имени последних предлагаются, как правило, сразу списки «достоинейших»), — будто с этими кандидатами никак не могут конкурировать выдвигаемые единичным научным сообществом (таковы кандидатуры А.Г. Дояренко, В.И. Ковалевского, Л.И. Аксельрод) или «группой ученых». Последняя подписная формула искусственно навязана, она позволяет скрыть мнение наиболее авторитетных ученых, конкретные же подписи рекомендующих последовательно снимаются даже в стеклографическом тираже отзывать, предназначенном для узкого круга участников выборной кампании («группами ученых» предложены, в частности, Д.Н. Егоров, В.Я. Железнов, П.П. Гензель, Н.Н. Лузин, М.М. Покровский, А.И. Томсон, А.П. Нечаев, Г.Г. Шпет, Э.Л. Радлов, В.В. Сиповский). Понятно, что кое-кто из нежелательных кандидатов все же выдвинут

²⁶ Последние новости. Париж. 1929. 2 июля.

²⁷ Лен. правда. 1928. 4, 12, 13 октября.

²⁸ Лен. правда. 1928. 17 октября.

рядом авторитетных научных учреждений (таковы Л.С. Берг, В.Е. Грум-Гржимайло, Д.Ф. Егоров, Н.К. Кольцов, А.А. Ячевский); против таких приходится придумывать другие — идеологически компрометирующие — аргументы.

Кандидаты отказываются от баллотировки один за другим. Среди них члены-корреспонденты с дореволюционным стажем — языковед В.А. Богородицкий, энтомолог Н.М. Кулагин, историк литературы Е.В. Петухов; еще — члены-корреспонденты с 20-х годов: литературовед В.В. Сиповский и философ Радлов; далее — историк Д.И. Багалея, геологи М.А. Усов и В.И. Лучицкий, ботаник и цитолог А.А. Сапегин, машиновед В.П. Горячкин... В.В. Сиповский снимает себя с конкурса после присланного из Владикавказа клеветнического «отвода» и в ответ на телеграмму от группы ученых, выставивших его кандидатуру, с «советом» ее снять²⁹.

В довершение всего, в сентябре умирают два академика — Ф.И. Успенский и П.П. Сушкин. «Для Академии огромная потеря в этот момент», — записывает Вернадский в дневнике: «Отсутствие двух влиятельных, умных и неподкупных людей чрезвычайно тяжело. [...] То, что поражает в русской жизни, — грубость и отсутствие чести, — проявляется очень ярко сейчас в академической жизни»³⁰.

Из Москвы прибывает правительственная половина Особой комиссии по выборам — «представители союзных республик» (Туркмения, например, представлена В.П. Волгиным и И.А. Севастьяновым, Узбекистан — Л.К. Мартенсом и П.М. Керженцевым). В эти дни И.П. Павлов направляет своим коллегам по Академии два письма:

«Ввиду явной политической постановки работы комиссии по избранию новых членов Академии, постановки естественно для учено-

²⁹ ДАН. Ф.2. Оп.1-1928. Д.99. Л.29-32.

³⁰ ААН. Ф.518. Оп.2. Д.14. Л.41-42. — Неверно было бы представлять среду академиков как свободную от соперничества и личных амбиций, от пристрастий и ошибочных суждений друг о друге, да и от трусости или эгоизма. Трения и разнодействия между действительными членами АН были немалые: математик В.А. Стеклов не считал настоящим научным учреждением Пушкинский Дом; А.Н. Крылов из своего европейского далека (он там в командировке с 1921 по 1927 год) в полуофициальных письмах предлагал послать к такой-то матери и КЕПС, и еще многие академические учреждения; прагматичный П.П. Лазарев готов был согласиться на передачу учреждений КЕПСа в подчинение ВСНХ; С.Ф. Платонов мог, разойдясь во мнениях (на общем собрании) с Н.А. Котляревским, не подать ему затем руки; А.Е. Ферсман был способен написать на рукописи другого академика, идущей в печать: «Что за дурак писал?»; А.Ф. Иоффе, благосклонно принимаемый в правительственных кругах, видимо, выдавал там то, что, с точки зрения других академиков, должно было оставаться секретом АН; и т.д. и т.д. Трения, расхождения, личные свойства академиков учитывались и использовались для расхождения и деморализации АН как до «великого перелома», так и в особенности в ходе его. Тема эта, однако, столь далека от всестороннего прояснения, что мы предпочли оставить ее за рамками данной статьи.

го связанной с большими волнениями, я должен отказаться от участия в этой работе. Серьезная операция, перенесенная мною в прошлый год, оставила вредные следы на моем сердце. Так как я сейчас, и в большом масштабе, веду, как мне кажется, важную научную работу (а для нее я еще годен), то я нахожу справедливым предпочтительно поберечь себя для нее. Академик Иван Павлов»³¹.

В другом письме: «Считаю своим долгом остановиться на важной особенности предстоящих выборов новых членов Академии Наук. Впервые в истории нашей Академии, сколько я знаю, Правительство перед выборами заявляет о желательности для него определенных кандидатов. На исполнении этого желания часто грозно настаивают все органы Правительства (печать, теперешние представительства высших учебных заведений и общественных учреждений). Мне представляется, что это подрывает достоинство Академии и тяжело ляжет на академиков. Было бы справедливее со стороны правительства самому назначить нужных с его точки зрения лиц в состав Академии»³².

Нет места на описание разных ухищрений и жульничеств, с помощью которых приехавшая команда, заседая без усталости, переиграла своих партнеров. Заметим только, что о настроениях и намерениях «противника» правительственные эмиссары были прекрасно осведомлены, чего не скажешь о противостоявшей им стороне. К тому же, мнения академиков различались. Пришельцы же были монолитно-едины. И они почти всё смогли. Убедили признать беспспорными кандидатами Кржижановского (как великого плановеда), Бухарина. В первом туре обсуждения явно не потянул на первоочередного кандидата (в сравнении с другими геологами) коммунист И.М. Губкин — тогда успешно провели его по наукам техническим (где конкурс был 12 человек на место). По наукам техническим прошел и «красный» электротехник В.Ф. Миткевич, с 1921 г. возглавляющий Особое техническое бюро по военным изобретениям. Пожертвовав желанным Вильямсом, настояли у биологов на исключении из кандидатов Л.С. Берга (при первом заходе) и Н.К. Кольцова (при третьем). Баха, когда возникли трудности у биологов, без особого труда перевели к химикам — и там, конечно, утвердили (число химических кафедр в АН почти утраивалось: шла кампания «химизации»). Скрепя сердце, после схваток и только благодаря умной дипломатии Ольденбурга, согласились на китаиста В.М. Алексеева (пишет в статьях об уничтожении культуры при соцстроительстве!), — но зато добились оставления за бортом ираниста А.А. Фреймана и продвижения

³¹ ААН. Ф.2. Оп.1-1928. Д.89. Л.262.

³² Там же. Л.308.

А.Н. Самойловича (хотя тюрколог-то, а именно В.В. Бартольд, среди действительных членов уже был).

Труднее всего оказалось протолкнуть троих: Лукина, Деборина, Фриче. Но тут сработал прецедент — прием, уже опробованный в высшей школе: «на паритетных началах» старые профессора соглашались принять к себе на кафедру какого-нибудь коммуниста (балласт, по их оценке), а за это им позволяют взять еще одного человека — уже по своему усмотрению. Так было на кафедре А.Г. Дояренко в Тимирязевской академии³³ (потом и сам Дояренко «загремит» по делу Трудовой крестьянской партии, но это непредугадываемо).

В комиссии по историческим наукам стороны сначала легко договорились о Покровском, Рязанове и — Грушевском, Петрушевском. На оставшиеся два места академики хотели М.К. Любавского и А.Е. Преснякова и ни за что не соглашались на Лукина (находили в нем склонность к идеологическим погромам). Власть же продвигала Лукина, соглашалась на Преснякова и слышать не хотела о Любавском. Результат соглашения: проголосовали и за Любавского, и за Лукина (в обоих случаях 9 «за», 3 «против»), а кандидатуру Преснякова постановили «оставить без баллотирования ввиду заполнения наличных свободных мест по историческим наукам»³⁴ (Любавского потом уберет ОГПУ).

В комиссии по философским наукам председательствовал не Вернадский, как вначале намечалось, а Крылов. Именно Вернадский предложил эту идею: учредить в АН кафедры философских наук. Он имел в виду не философию как таковую. Философия, по всегдашнему убеждению Вернадского, — не наука, а особая, отдельная область творчества (подобно религии или искусству), в Академии же должна идти речь о философских науках, прежде всего — психологии, логике, истории философии. Этой точки зрения не разделяло большинство, склонявшееся к избранию не психологов или логиков (они выдвинуты), а философов. Вернадский соглашался выбрать философа, исследующего историю философии, — но не марксиста (после того как Радлов и Крогиус сняли свои кандидатуры, из немарксистов остался Шпет), а если бы даже пришлось марксиста — то не представителя диалектического материализма, ибо именно это течение отличается нетерпимостью и стремится навязать науке свои обветшалые схемы (из противников Деборина до конца участвует в предвыборной борьбе марксистка Л.И. Аксельрод). Философские обоснования Деборина Вернадский во всеуслышание называл «детскими».

Выход нашли такой: выбрать математика Лузина (Вернадский за него: анализ, связанный с математической логикой, аксиоматикой

³³ Последние новости. Париж, 1928. 29 апреля.

³⁴ ДАН. Ф.2. Оп. 1-1928. Д. 101. Л.8 об.

и т.п., безусловно относится к числу философских дисциплин), но также и Деборина. В горячих спорах участвовали все, позицию Вернадского разделяли трое. Потом шесть академиков и шесть партийцев голосовали. Деборин прошел со счетом 8:4, Лузин — 10:2. Против Деборина — Вернадский, Жебелёв, Коковцов, Шербатской. Решили дело голоса математиков Крылова и Я.В. Успенского, поданные «за». (После завершения выборов Лузина переведут к математикам, в другое подразделение АН, и останется Деборин на время в философском кресле один.)

Самым неприемлемым казался Фриче. Даже Ольденбург, всеми силами старавшийся здесь угодить власти, за глаза называл его «дураком от марксизма»³⁵. На частных собраниях академики до ссор спорили с Ольденбургом и Марром. Под конец «представители республик» дали понять, что они согласны принять любых двух кандидатов (по языкам и литературе европейских народов) в обмен на принятие одного Фриче. Одновременно пустили в ход угрозу, заявив: правительство не держится за принцип единой АН и может предпочесть путь развития отдельных учреждений, предназначенных для избранных специалистов. Накануне последнего дня, в час ночи, выйдя с собрания у Марра и остановившись во дворе, члены бывшего ОРЯС решили плюнуть — и на другой день проголосовали за Фриче³⁶.

Следующим процедурным шагом было утверждение отобранных кандидатур в отделениях АН. При этом в одном заседании кандидатуры утверждались для баллотирования, а в следующем (через месяц) происходила эта баллотировка (все еще не окончательная!). Эта многоступенчатая, длинная, постепенная процедура, сама по себе, казалось бы, дающая возможность все взвесить и обсудить, в условиях диктатуры работала как антидемократический многослойный фильтр.

Два «представителя союзных республик», Луппол и Волгин, полуконфиденциально предупредили академиков: если хоть один правительственный кандидат будет в Отделениях провален, — откажутся и все остальные³⁷. Ультиматум.

19 ноября арестован зав. отделением БАН А.А. Сиверс, 24-го — библиотекарь В.Е. Вальденберг (государствовед, историк-византист, б. профессор), в ночь на 25-е — В.Н. Бенешевич, член-корреспондент АН, кандидат в академики, не поддержанный отборочной комиссией историков. Другой член-корреспондент, А.А. Ильин, историк и картограф, примерно тогда же исключен из Секции научных работников как бывший уездный предводитель дворянства.

³⁵ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Запись от 13 октября 1928.

³⁶ Там же. Д.50. Л.48.

³⁷ Там же. Запись от 18 ноября 1928.

Самым громким уроком этого времени стало «дело академика Жебелёва». Жебелёв единственный из всех академиков входил во все три избирательные подкомиссии, где обсуждали кандидатуры Лукина, Деборина и Фриче, — и везде выступал против. Он нечаянно подставил себя под удар, поместив статью в пражском русском сборнике «*Seminarium Kondakovianum*», где ленинградские авторы напечатались рядом с М.И. Ростовцевым и другими эмигрантами: обычная тогдашняя практика. Сборник вышел в сентябре, и сначала на него не реагировали. А в середине ноября, как по команде, всюду начинается шумная кампания против Жебелёва, которого требуют «отсечь» и «исключить».

По некоторым источникам, «дело Жебелёва» помог развязать член-корреспондент АН СССР И.А. Орбели. Задетый статьей Жебелёва памяти Я.И. Смирнова (там говорилось про то, что ненапечатанные материалы скончавшегося 10 лет назад академика Смирнова находятся у Орбели), он, по словам Е.Г. Ольденбург, «обезумел» и в припадке гнева стал кричать про нелояльность Жебелёва, про несоветский тон его статьи, обратил на статью внимание коммунистов Эрмитажа, затем обкомовского секретаря Познера — и дело пошло...³⁸

Когда 21 ноября на закрытом заседании СНР обсуждали и исключали Жебелёва (подхалимски-погромный тон задавали политпросветчик В.А. Зеленко, психиатр В.П. Осипов, славист Н.С. Державин и историк-этнолог В.Н. Кораблев), — в этот момент Орбели вступился за Жебелёва. Через четыре дня Вернадский отметил в дневнике: «В Академии Материальной Культуры научные сотрудники под председательством Орбели вынесли обвинительный приговор Жебелёву и признали секцию научн[ых работников] правильной. Орбели уговорил это провести, говоря, что это поможет Жебелёву, так как иначе его будут считать главой контрреволюционного гнезда, находящегося в АМК. Люди сейчас потеряли всякий моральный стыд и идут на всякую подлость, спасая свою шкуру»³⁹.

В печати появилась покаяние Жебелёва, но текст был чужой. Неприятную обязанность по его написанию взвалил на себя Ольденбург⁴⁰.

В этой войне у отступавших были свои вожди и провидцы. 20 ноября, когда на частном заседании у Карпинского обсуждалась серьезность положения, Вернадский говорил, что он не смотрит розово на то, что ожидает Академию потом — в случае принятия в нее ком-

³⁸ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Запись от 20 ноября 1928.

³⁹ ААН. Ф.518. Оп.2. Д.14. Л.49.

⁴⁰ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Л.39, 55. Письмо Жебелёва, датированное 26 ноября 1928, опубли. в «Лен. правде» 30 ноября 1928.

мунистов, — но иначе действовать нельзя: надо спасать АН. Тем не менее, одну позицию он считал необходимым удержать — и в тот же день подал Записку, где еще раз возражал против уже принятого решения и напоминал об опасности, связанной с намеченным избранием Деборина: «Русская философская мысль почти не имеет возможности выйти в нашей стране наружу, за исключением диалектического материализма. Едва ли может быть сомнение, что такое положение дел есть преходящее временное явление, ибо в XX веке невозможно долго удержать свободную мысль в искусственных пределах. [...] То привилегированное положение, в каком диалектический материализм находится в нашей стране, неизбежно ставит его в тепличные условия, приведет в нем самом к замиранию творческой философской мысли, как это всегда и неизбежно происходило со всеми охраняемыми — официальными — философскими учениями. Свободная мысль — есть основа философского творчества: она не терпит и не сносит оков»⁴¹.

Характерна сцена, разыгравшаяся однажды «на чашке чая» у Карпинского:

Вернадский предложил выработать приемлемую общую формулировку для принятия всего полного списка всеми.

И.П. Павлов: Это лакейство, что Вы предлагаете!

Вернадский вспыхнул и резко заявил, что Иван Петрович непозволительно себя ведет. Он должен прийти в себя.

Павлов: Большевикам надо себя показать, нечего их бояться, никакие предварительных стговоров не нужно!

Ольденбург: Иван Петрович может, и ему разрешается так говорить, его не тронут, он в привилегированном положении.

С.П. Костычев: Надо класть черняки⁴², нечего остерегаться.

И.П. Бородин: Вот уже одиннадцать лет все пугают и пугают — и, слава Богу, все академики...

Павлов: Мы же не коммунисты, чтобы о чем-нибудь договариваться заранее, мы действуем свободно, сохраняя каждый свою индивидуальность!

Ту же мысль повторили Костычев, Лавров, Перетц, Бородин⁴³.

Понятно, что на выборах (5 декабря в Отделении физико-математических наук, 12-го — в Отделении гуманитарных наук) были избраны все намеченные кандидаты. Голосовали записками, ставя плюсы или, вместо минусов, нули. Омрачало картину отсутствие на заседании ОГН нескольких человек «по болезни». Затем стороны

⁴¹ Коммунист. 1988. №18. С.71-72.

⁴² Черные шары, означающие голоса против.

⁴³ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Л.54-54 об. (дневник Е.Г. Ольденбург, запись от 27 ноября 1928).

продемонстрировали свою готовность к перемирию. Общее собрание согласилось с представленным ему июньским решением Президиума АН об исключении из АН эмигрантов. Бюро СНР признало возможным вернуть Жебелёва в СНР.

Гадко, видно, было у академиков на душе. «Нельзя, чтобы они были избраны единогласно», — говорил и Иоффе за чайным столом⁴⁴.

В половине третьего 12 января открылось Общее Собрание АН СССР. Присутствовало 30 академиков из 39. Все было обставлено торжественно: гости, представители печати, яркий свет, кино. Каждый из академиков, кто ставил кружок-нолик, думал, что это делает, быть может, он один: в основном голосовали против, по общему мнению, члены ОФМН. В результате необходимых по уставу двух третей не набрали Деборин (18 «+», 12 «0»), Лукин (16:14), Фриче (16:14). Кроме того, Бухарин, Кржижановский и Губкин прошли так, что если бы им добавилось по одному неизбирательному голосу, они также оказались бы забаллотированными. После чтения баллотировочного листа Президиум АН собрался в кабинете Халтурина. Придумали выход: перебаллотировка с участием вновь избранных академиков. Ольденбург написал соответствующий документ.

17 января на Экстраординарном Общем Собрании из 78 академиков присутствовало 43, да и из тех двое ушли до голосования. Человек десять из старых оказались (или сказались) больны, человек десять из новых прислали письма с извещением о своей болезни или невозможности присутствовать по каким-то обстоятельствам. Остальные отсутствовавшие не затруднили себя объяснениями. Обсуждалось постановление Президиума от 12 января. Первым встал И.П. Павлов и заявил, что на Академию все время оказывается давление, свободное мнение выражает не Президиум, а только Общее Собрание. С.Ф. Платонов защищал от Павлова «представителей союзных республик». М.А. Мензбир сказал, что не может принять сторону Президиума, но когда дошло до голосования, вместе с большинством поднял руку «за». Из новых академиков против постановления Президиума голосовали Петрушевский, Владимирцов и Сакулин. Устное предание передает один из драматических эпизодов заседания: Крылов, увещевая Павлова, предложил присоединиться «к резолюции Савельича» и пояснил: «Плюнь, батюшка, да поцелуй у злодея ручку»⁴⁵.

⁴⁴ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Л.86.

⁴⁵ По устному сообщению Я.С. Лурье. (Приведено в: Память. Вып.1. С.389.). У Пушкина в «Капитанской дочке»: «Не упрямысь! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку».

Из письма П.Н. Сакулина к С.Ф. Ольденбургу (19-20 янв. 1929): «Тяжело мне было 17 января голосовать против предложения Президиума, и Вам (как я заметил) было неприятно видеть мою руку, поднятую вместе с руками меньшинства. [...] К сожалению, предложенный Президиумом выход далеко не безразличен для судеб Академии: он роняет престиж общего собрания и подчеркивает привилегированное положение известной группы ученых. Последнее обстоятельство необычайно важно. Важно не только установить отношения с партийной группой ученых, но и сделать эти отношения *нормальными*. Совершенно очевидно, что данная группа входит в Академию не для того, чтобы работать в ней, а для того, чтобы *контролировать и руководить*. Ныне на всех участках идеологического, вообще культурного фронта с особой обостренностью проводится принцип, который я называю идеологической и методологической диктатурой. [...] Предстоящие перевыборы в той или другой степени приведут к уменьшению суверенных прав Академии. Теперь момент очень ответственный. Партийной формуле «контролировать и руководить» в области науки самым решительным образом нужно противопоставить *свободу научной мысли*. Вступая в Академию, ученый должен знать, что он может приобрести «руководящую» роль не потому, что у него в кармане партбилет, а потому, что он импонирует другим значительностью своих научных заслуг. Положение вещей в настоящее время таково, что только одна Академия в состоянии защищать подобную позицию. Ученые всей страны смотрят на нее с верой и надеждой, как на цитадель науки»⁴⁶.

Обращение АН СССР в Совнарком, принятое ею (28-ю академиками из 78-ми!) 17-го числа, напирало на то, что при баллотировке в ОГН близкими по специальности учеными злополучная тройка была избрана почти единогласно, «произошло резкое и трудно объяснимое расхождение» результатов, «не исключена возможность случайности при голосовании» — и потому АН ходатайствовала «о предоставлении ей, в виде особого исключения, произвести, в отступление от устава Академии Наук, вторичное баллотирование» 31 сего января⁴⁷. Обращение это не имело полной силы, его потребовалось потом подтвердить бóльшим числом голосов.

В эти месяцы правительство играло с Академией наук, как кошка с замученной мышью. В ноябре, в разгар дела Жебелёва, прошли торжества по случаю 200-летия академической типографии и получил награду ее директор-распорядитель В.В. Нордгейм, фамилия которого незадолго до того была затронута в одном из газетных фельетонов. В январе, уже после «инцидента», торжественно открылся со-

⁴⁴ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Л.107-110.

⁴⁷ Лен. правда. 1929. 25 января.

зданный по идее Щербатского Институт буддийской культуры, а деньги на издательское дело Института беспрепятственно перевел хамбо-лама — духовный глава бурятских ламаистов. Теперь, в феврале, правительство сперва заставило АН поволноваться в ожидании ответа, а затем срочно вызвало академическую делегацию в Кремль.

Ночным поездом в Москву выехали Ольденбург, Марр, Платонов, Ферсман, Тарле, Крылов, Комаров. Поезд шел медленнее теперешней «Красной стрелы», да еще запоздал из-за морозов, и все утро верхушка Академии провела в вагонном совещании. С вокзала начальники — неперменный секретарь Ольденбург и вице-президент Ферсман — проехали прямо к Е.П. Воронову в Кремль. Обедали все вместе, гурьбой отправились в Кремль к 6 часам.

Председательствовал в СНК Рыков, дело АН стояло первым, прения продолжились три часа. Ольденбург сделал доклад, поразивший наркомов: С.Ф., обычно сдержанный и осторожный, резко и прямо отвергал нападки на Академию. Выступали Кржижановский, Луначарский, Милютин, Рязанов, Куйбышев. Последний был главным сторонником закрытия АН (он председатель ВСНХ и уже год с небольшим член сталинского Политбюро), Куйбышев требовал действовать против Академии «огнем и мечом»⁴⁸. Его линию поддержали Г.И. Петровский и представитель профсоюзов (Н.М. Шверник?). Тут взял слово Марр. «Он произнес речь, произведшую огромное впечатление. Глубоко и до конца резко. Еще таких речей Сов[нарком] не слышал. Марр не помнит, что он говорил, и не может повторить»⁴⁹ (из дневника Вернадского). Настроение переломилось в пользу АН. Рыков поставил на голосование вопрос: удовлетворит ли СНК ходатайство о перебаллотировке тт. Деборина, Лукина и Фриче? Высказались большинством «за», Куйбышев остался «против».

Вечером следующего дня в ЦЕКУБУ состоялась товарищеская встреча (она же — чаепитие) прибывших ленинградских академиков с московскими. В результате прошедших выборов, доля москвичей среди действительных членов АН резко возросла, но большинством они еще не стали. А.Н. Крылов (из застольных речей на том чаепитии): «Как человек морской, я скажу кратко и ясно. Нечего рассуждать, надо поступать, как приказывает Правительство, — надо выбрать этих троих, и делу конец. Мы должны их выбрать, иначе Правительство пошлет Академию со всеми академиками к чертовой матери!» (В этом месте Горбунов нагнулся к Ольденбургу: «Это что значит? Наглость? Или "чего изволите"?»⁵⁰).

А в Ленинграде уже готовилась новая кампания в печати.

⁴⁸ Пять «вольных» писем В.И. Вернадского... С.436.

⁴⁹ ДАН. Ф.518. Оп.2. Д.15. Л.15, 15 об. — Заседание СНК состоялось 5 февр. 1929.

⁵⁰ Там же. Д.57. Л.163 об. - 164.

Производственная конференция Балтзавода: «На двенадцатом году пролетарской диктатуры пора уничтожить старый гнилой пережиток тайных баллотировок. В Советской Республике каждый честный гражданин должен голосовать открыто»⁵¹.

Из постановления рабочих «Красного треугольника»: «Мы требуем, чтобы вся деятельность Академии Наук проходила под контролем всей пролетарской общественности»⁵².

Коллектив ВКП(б) Ленинградского комуниверситета: «Пусть ученые обскуранты знают, что рабочий класс, идущий под знаменем единения науки и труда, во имя этого единения не задумается перешагнуть через них, а если нынешняя Академия Наук с ними не справится, то и через Академию»⁵³.

Кольцовский журнал «Чудак» поместил в эти дни издевательски-развязный текст «Академики тоже выбирали»⁵⁴, сопроводив его портретами восьми академиков, голосовавших против перебаллотировки (все в каких-то ливреях: фотомонтаж).

Девятого — Павлова, на снимках нет, он не упомянут в тексте. Нобелевского лауреата обхаживают давно. После Октября он заявил о своем решении уехать, но Горький сумел его уговорить. Ленинского письма-предписания, адресованного Зиновьеву, видимо, показалось мало, и 24 января 1921 Ильич подписал специальный декрет СНК о создании условий для Павлова: Госиздату «в лучшей типографии республики отпечатать роскошным изданием заготовленный академиком Павловым научный труд»; дать ему с женой «специальный паек, равный по калорийности двум академическим пайкам», и оставить им — пожизненно — занимаемую квартиру⁵⁵, — все это позволило Ленину через несколько дней официально отвергнуть предложение шведского Красного Креста о переезде ученого в Швецию⁵⁶.

Особое положение Павлова было сохранено ему и в послеленинское время. Ивану Петровичу и при Ленине и при Сталине сходило с рук то, за что другие поплатились бы жизнью: он публично, даже в

⁵¹ Лен. правда. 1929. 13 февраля.

⁵² Там же. 7 февраля.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Чудак. 1929. №6.

⁵⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.42. С.262-263. — Ср. свидетельство А.В. Луначарского (июнь 1921) о том, что Ленин «приказал, например, осыпать всякими пайками и деньгами проф. Павлова, и это было сделано». Подобные шаги, как отмечает Луначарский, делались по отношению к нескольким «так называемым европейским светилам культуры», которых беспрестанно приглашала к себе за граница и за бедственное положение которых большевикам слали тяжелые упреки. «Кроме Павлова, об ученых у нас персональных запросов из-за границы не было» (Лит. наследство. М., 1971. Т.80. Ленин и Луначарский. С.288-290).

⁵⁶ Подробно вопрос освещен в статье В.Есакова «...И академик Павлов остался в России». // Наука и жизнь. 1989. №9, 10.

студенческой аудитории, высмеивал «Азбуку коммунизма» Н.Бухарина и Е.Преображенского и (при Ленине) говорил, что «если то, что делают большевики с Россией, — это эксперимент», то для такого эксперимента он «пожалел бы предоставить даже лягушку»⁵⁷. Ему построили (позже) «столицу условных рефлексов» в Колтушах. И раньше других ленинградских академиков (их — только в 1932 году) прикрепили к заборной лавке кооператива ГПУ, где выдавались такие продукты (дополнительный паек), о которых и думать забыли, что они еще могут где-то быть в России. И всегда внимательно следили за Иваном Петровичем (к началу 30-х годов в Ленинграде — в НКВД — скопилось уже пять томов с данными наружного наблюдения за его домом)⁵⁸.

Накануне 13 февраля, дня повторных выборов, состоялось предварительное полуофициальное совещание в малом конференц-зале АН. Присутствовали 33 академика — меньше половины. Кто болен (сильные морозы), кто в командировках. Некоторые, видимо, просто не желают участвовать в фарсе (Бородина Карпинский уговаривал не приходиться, если тот собирается голосовать против).

В два часа дня 13 февраля — выборное собрание. Налицо 54 академика из 78. Гости, кино. Появление в зале Бухарина, Покровского, Кржижановского и Рязанова встречено аплодисментами, что взволновало Карпинского: так не должно быть! — но Ольденбург был внешне спокоен: что делать, теперь так будет. Тайное голосование (кроме АН, оно осталось, кажется, только на съездах партии при выборах ЦК) прошло быстро и гладко. Против Деборина и Фриче подали свои голоса двое, против Лукина — трое. Белые (пустые) бюллетени считались за «+». Когда разъезжались, на улице стоял народ, фотографы и киношники снимали всех, и тут Бухарин подошел к Ольденбургу: «Воображаю, как Вам было трудно это время!»⁵⁹

В семь вечера открылось торжественное традиционное годовое Общее Собрание; зал был залит светом, как никогда. Непременный секретарь прочел свой годовой отчет, а после всех речей, кратко и с чувством заключая торжество, сказал, что тут нет «мы» и «вы», а есть только «мы». «Мы стоим на рубеже новой жизни» (из отчета Ольденбурга). «Мы вступаем в Академию Наук как колонна материалистов-диалектиков» (из речи Кржижановского). «Академия освежена, она пополнена новой революционной кровью» (стандартная газетная фраза тех дней)⁶⁰.

⁵⁷ Цит. по: Поповский М.А. Управляемая наука. Лондон, 1978. С. 16.

⁵⁸ Устное сообщение Р.Маяка А.Рогинскому (1970-е гг.).

⁵⁹ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.50. Л.68 об.

⁶⁰ Все три цитаты — Лен. правда. 1929. 14 февраля.

Границы между «мы» и «они», как легко было почувствовать в момент вступления в АН «колонны материалистов-диалектиков», отнюдь не стерлись этим актом.

Социальное размежевание совершилось в 1917 году, и его опасность для науки сразу же была осознана учеными. В марте 1918 президент Карпинский писал наркому Луначарскому о событиях пяти-месячной давности: «наступил один из тех разрывов, которые составляют несчастье русской жизни и мешают ей развить настоящую преемственность, какая одна может явиться надежным залогом жизненного творчества», «глубоко ложное понимание труда квалифицированного как труда привилегированного, антидемократического [...] легло тяжелою гранью между массами и работниками мысли и науки»⁶¹.

Постоянная реанимация духа гражданской войны подготовила новых волонтеров. Все средства пропаганды и партийно-государственная практика вколачивали мысль, что личность и врожденный талант ничего не значат, незаменимых нет, любого можно поставить на любое место, массой же можно успешно заменить любую человеческую единицу. Нормальные механизмы многомерного самоопределения человека, свободного искательного самоотнесения себя к тем или другим частям единого и неделимого общества, единого и нераздельного человечества, — эти механизмы были глубоко разрушены. Энергия всех естественных самоопределений (национального, религиозного, культурного, партийного) трансформировалась и исключительно направлялась в единственное русло: «кто был ничем, тот станет всем», или, как пелось в другой тогдашней песне, «кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть!» В этой атмосфере за взятием каждой крепости (крепости науки, например) с непреложностью должны были следовать резня, грабеж, уничтожение чужеродных ценностей.

Академия наук не встраивалась без новых коренных переделок в здание административно-командной системы, которая и сама-то создавалась как орган ломки и вечной перестройки. Налицо была — и в «освеженной» Академии — ее идейная несовместимость с системой: независимость и неунифицированность взглядов, неприятие идеологического диктата. Больше того: вобрав в себя группу коммунистов (причем во главе с Бухариным и Рязановым, как раз оказавшимися в опале), Академия только укрепила свое положение в качестве оплота идейного плюрализма. Налицо было и «классовое» несоответствие Академии системе: поднималась новая социальная пирамида, выдвигенцы и авантюристы рвались занять места на верхних этажах и жаждали низвергнуть «бывших». Отметим еще чисто

⁶¹ Документы по истории Академии наук СССР: 1917-1925 гг. Л., 1986. С.38-39.

структурные отличия АН: ее уникальность, реликты ее автономии, непронизанность всех ее клеточек управляющими нитями аппарата. Эта всесторонняя несовместимость едва не стала, как мы видели, причиной отторжения АН от государственного организма. Но, коль скоро отторжения не произошло, адаптация АН к новым структурам должна была включить в себя неоднократные хирургические вмешательства. Без террора было не обойтись. Точнее — без всей системы репрессий, включающей в себя лишение слова, увольнение, выселение, заключение и «высшую меру».

Спротивление, которое Академия наук оказала перед выборами и, против ожидания, продолжала оказывать после них, требовало безотлагательного и безжалостного применения репрессий, которые в сознании правящей партии казались наиболее универсальным методом снятия проблем. К тому же шагу подвело и ведомственное развитие советского государства: карательные структуры искали себе пищи и простора. Армия для внутренней войны сложилась, все ее рода войск — партийный аппарат, ОГПУ, РКИ, огосударствленные профсоюзы, агитпроп, пресса — состояли под единым командованием, армия не могла не стрелять. Сталинскому штабу война на два фронта — с крестьянством и интеллигенцией — нужна была и для преодоления крамолы (оппозиции) во внутрипартийной казарме: всеми средствами и всюду требовалось умертвить любую независимую силу, в которой чудился зародыш новой партии. Догма однопартийности постоянно толкала на превентивную войну с собственным народом. Репрессии против АН стали, таким образом, частью борьбы за утверждение единомыслия и сохранения единовластия в Союзе ССР.

Среди новых академиков влиятельнейшим сторонником ломки был, без сомнения, М.Н. Покровский. Послереволюционный Покровский — прежде всего организатор и распорядитель, а затем глава новой исторической школы. С мая 1918 г. он был бессменным заместителем наркома по просвещению, но решал и направлял куда больше, чем нарком Луначарский. По инициативе Покровского и под его руководством создавались или пересоздавались ГУС (Государственный ученый совет), САОН (Социалистическая академия общественных наук, позже Комакадемия), Центрархив, ИКП (Институт красной профессуры), РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук), общество историков-марксистов. Великим своим изобретением Покровский считал систему рабфаков и утверждал, что рабфаки, в сочетании с многими ИКП, дадут в скором времени вузы, «орабоченные снизу доверху». «Мы можем иметь науку по качеству не ниже Германии и Америки, а по составу работников науки — плоть от пло-

ти и кость от кости всей массы трудящихся»⁶², — уверял он уже в 1927 году.

В апреле 1929 Покровский бросил нетерпеливый призыв: «Надо переходить в наступление на всех научных фронтах. Период мирного сожительства с наукой буржуазной изжит до конца»⁶³. По Покровскому, век академий отжил и наука в пролетарском государстве должна быть организована по-новому — предельно централизованно, без малейшего параллелизма. Об этом — его речь на Пятом съезде Советов (май 1929): «Вот мы об Академии наук много хлопочем, много с нею носимся, и, конечно, это — почтенное учреждение, но незаметно у нас выросла внутри хозяйственного наркомата своя Академия наук, крупнее той, которая существует двести лет. Я не говорю уже, что в других наркоматах, в Наркомздраве, в Наркомземе и т.д. есть своя наука. [...] Пролетариат берет теперь в свои руки деревенское хозяйство, начинает строить его по-социалистически и, конечно, выстроит. Но он должен обратить внимание и на это отображение нашего деревенского хозяйства в высоких сферах, которое проявляется в нашем рассыпном фронте, в научно-исследовательской работе»⁶⁴. Централизация науки, в понимании Покровского, — это подобие коллективизации, а призыв его отобрать науку у прежних ее работников и передать четырем тысячам рабфаковцев, кончающим в 1929 г. вузы, очень напоминает призывы к раскулачиванию.

Крайние централистские устремления тогда далеко не всеми разделялись наверху. Рязанов, знакомый с замашками Покровского (последний потеснил его и в Комакадемии, и в Центрархиве), отнюдь не хотел отдавать под власть Комакадемии свое главное детище — Институт Маркса-Энгельса. А именно Комакадемия претендовала на роль головного научно-административного учреждения страны. Покровский хотел упразднения старой АН или поглощения ее своей Комакадемией, Бухарин и Рязанов стояли за постепенное сближение двух академий.

Как профессиональные нелегалы, коммунисты-академики собрались 25 февраля 1929 на первое заседание своей «фракции», заложив этим основы великой секретности теперь уже внутри АН. Соглашения в их «колонне» не было — в этом, может быть, частичная разгадка наступившего предгрозового затишья. Шла схватка за власть в верхах, «линия» в отношении АН оставалась не до конца определенной. Разыгрывались тихие маневры вокруг выборов двух вице-президентов АН. В пору этих затянувшихся выборов налетел

⁶² 2-я сессия ЦИК СССР 4-го созыва: Стеногр. отчет: Ленинград, октябрь 1927 г. Л., 1927. С. 186.

⁶³ Цит. по: Последние новости. Париж, 1929. 5 декабря.

⁶⁴ Организация советской науки в 1926-1932 гг.: Сб. документов. Л., 1975. С.43-44.

однажды короткий шквал, когда Академия испытала что-то вроде преждевременного смятения, почти паники. Прошел слух, что во главе правительства ставят Куйбышева (называли уже и Молотова, но затем выяснилось, что смещение Рыкова отложено). Тогда же СНР лишила академика Ф.И. Щербатского не только избирательного права, как бывшего земского начальника, но было постановлено отобрать у него и хлебную карточку (шквал пролетел, все вернуло).

Один вице-президент был выбран старый — Ферсман. Во время предварительных выборов (7 марта) Ферсман прошел в вице-президенты лишь при четвертой баллотировке, а Рязанов — сразу. Перед окончательными выборами Рязанов снял свою кандидатуру под предлогом болезни, но явно выполняя волю партийных верхов. Две соперничающие внутривнутрипартийные группы сошлись на кандидатуре равно далекого от них Вернадского — тот наотрез отказался, равно как и Левинсон-Лессинг. Ольденбург на приеме у Горбунова заикнулся было о Бухарине — получил твердый ответ, что это дело не пройдет. Наверху загорелись провести Покровского — но Академия еще не дошла до такого послушания. Когда стало ясно, что Покровского завалят, утвердили, вместе с Ферсманом, Кржижановского (15 мая). Кржижановский внешне принадлежал к более мягкой породе коммунистов, которые, независимо от своих личных свойств, надежно прокладывали в АН дорогу жесткому курсу.

Главной тактической задачей власти было физическое овладение аппаратом АН и всеми ее учреждениями, и в следующие месяцы 1929 года в каждый данный момент концентрированный удар (печати, ревизии, комиссии по чистке) был направлен на что-то конкретное, а от большинства академиков и академических сотрудников требовалось немного — держаться в стороне и не протестовать громко.

В апреле началась ревизия АН по финансово-административной линии. В конце месяца на XVI партконференции Куйбышев заявил о предстоящем обострении классовой борьбы, а Я.А. Яковлев ознакомил с программой начавшейся тотальной чистки: провести ее так, чтобы вычищенные не имели больше возможности снова устроиться на государственную службу. Победа крутого курса была ясна, опять ждали смещения Рыкова; но одновременно передавали его слова в Политбюро: он будто бы стучал кулаком по столу: «Лето покажет, кто из нас прав...» Но вот в мае появилось сообщение о расстреле П.И. Пальчинского и других инженеров, и с этого момента все события разворачивались под непрерывный аккомпанемент расстрелов.

Подступило лето — обычный черный сезон демократии. В этом году в заграничные поездки академиков отпускали более легко. За рубеж отправились, в числе других, Вернадский, Марр, Ольденбург, Павлов, Лузин, Бернштейн.

1 июля в Ленинграде началась чистка «госаппарата», в расширительном толковании этого понятия. Через это сито должны были пройти в городе свыше 230 тысяч человек.

В июле стало известно, что «для пересмотра аппарата» АН назначена Правительственная комиссия во главе с Ю.П. Фигатнером, членом коллегии наркомата РКИ и членом президиума ЦКК ВКП(б).

Кто входил в комиссию? В позднейших публикациях называли трех академиков: Ольденбурга, Ферсмана и Комарова, но первый был в отъезде в самый важный, начальный период работы комиссии, а имя второго не встречается в протоколах. Из «рядовых» работников АН исправно заседали П.М. Никифоров (директор Сейсмологического института) и не имевший отношения к науке В.И. Шауро (секретарь месткома, из вахтеров, потом смотритель зданий). От «научной общественности» — Ф.В. Кипарисов и П.И. Воробьев. Трое рабочих, представителя заводов (Путиловского, Балтийского и Пролетарского). И самые таинственные личности: инспектор НК РКИ тов. Садовский и член Коллегии РКИ тов. Разоренов, оба из ГПУ.

Начали 30 июня с выбора Президиума: Фигатнер (председатель), Садовский (секретарь), Кипарисов. В тот же день провели общее собрание сотрудников АН, где Фигатнер сказал примерно следующее. Проверке будут подвергнуты все, кроме академиков. Кто поможет «вскрыть недостатки» — останется под защитой и через год, и через два. В специальные запечатанные ящики можно опускать и анонимные заявления. На вопрос Д.Д. Руднева: «Здесь все время идут разговоры, что будут учитываться только отрицательные стороны, что нужно доносить. А как будут учитываться хорошие стороны?» — Фигатнер под жидкие хлопки ответил: «Мы ни о каких доносах не говорим, это слово не употреблялось, этого слова в нашем рабочем лексиконе нет»⁶⁵.

Первым делом Фигатнер «организовал самокритику»: среди тысячи работников АН было выявлено около двадцати подходящих человек, которые были собраны на свое совещание, где они «впервые» занялись «критикой системы Академии наук» (из подобравшейся группы потом сформировался новый захватнический орган власти в АН — Локальное бюро СНР при АН).

В распоряжение Комиссии поступили адресованные ей бумажки (анонимных — немного). Несколько своих произведений представил библиотечкарь В.И. Бергер: фельетонно-злые наскоки, плюс прямые «наводки»: «особенно суровой проверке подлежала бы в будущем пока не заинвентаризованная библиотека бывшей Римско-католической духовной академии, поступившая в Академию наук после того, что Государственная Публичная Библиотека от этих книг бла-

⁶⁵ ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 3. Л. 18.

горазумно отказалась»⁶⁶. Письмо этнографа К.В. Вяткиной было о «классовом расщеплении» в ее учреждении и о тех, кто «не проявляет инициативы» и «не организует плановости»⁶⁷.

Оперативная тройка (Президиум) вела напряженнейшую негласную работу. Для мотивировки увольнений подготовлены были специальные списки. Например, список сверхштатных сотрудников (уволить, прикрываясь экономией средств и «рационализацией»), список лиц старше 60 лет, список окончивших духовные академии. Один реестр озаглавлен «Имеющие высшее образование, занимающие низшие должности» (уволить «за несоответствие» специалистов, вынужденных работать техсотрудниками и служащими). В список под названием «Занимавшие ранее высшие и другие должности в привилегированных учреждениях» попали учительница музыки Смольного института, преподавательница педагогики Института св. Елены, помощник архивариуса Синодальной библиотеки-архива, преподаватель училища при реформатской церкви и т.д. Нечего и говорить о том, что были учтены все бывшие офицеры, крупные чиновники, титулованные особы, обладатели придворных званий, владельцы недвижимости, члены политических партий, а также подвергавшиеся аресту после октября 1917. Перечень находящихся в отпуску сотрудников тоже был наготове, но из отпуска, кажется, не вызывали, предпочитая расправляться по частям и формировать проскрипционные списки малыми порциями.

Внешне проверка «аппарата АН» была организована следующим образом. По порядку, одно за другим, проверялись все сорок с лишним подразделений Академии. Руководитель подразделения делал сообщение-отчет, затем приглашались высказываться сотрудники. Этому предшествовал или за этим следовал «опрос» (фактически — допрос) намеченных жертв, проводившийся Комиссией без лишних свидетелей, после чего аналогичная процедура, с использованием вытянутых сведений и с большей целенаправленностью, повторялась прилюдно на общем собрании сотрудников АН. Местком санкционировал прекращение научных занятий, и все приглашались на собрание. Вел Фигатнер. Садовский называл очередную фамилию, названный выходил к кафедре, Садовский зачитывал трудовой список, затем шли высказывания и вопросы. Окончательно судьбу каждого Комиссия решала в его отсутствие, в своем узком заседании.

Часть заседаний проходила в стенах академических учреждений, общие же собрания — в высоком и просторном Большом конференц-зале Академии. На первое заседание пришли многие, потом охотников присутствовать поубавилось, а на итоговое собрание зал

⁶⁶ ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 4. Л. 42 об.

⁶⁷ Там же. Л. 115-116.

опять набился дополна, люди заполнили все проходы, толпились у входа. «Первая сессия» комиссии Фигатнера заняла почти весь август.

По опыту прочих учреждений знали, что «чистить» (увольнять) будут по категориям. Увольнение по первой категории означало: за границу не пустят, места в государственном учреждении не дадут и хлебные карточки отнимут; позже выяснилось, что «первая категория» предвещает почти неминуемый арест. Самой легкой расправой было предоставление права уйти по собственному заявлению.

Первыми в очередь были поставлены два учреждения АН, составляющие ее служебный аппарат, — Управление делами (постоянный штат — 41 чел.) и Секретариат (15 чел.). Выбор первых мишеней был глубоко обоснован. Комиссия Фигатнера стремилась дестабилизировать внутреннее положение в Академии, а именно эти подразделения обеспечивали, хотя и не без сбоев, слаженность и согласованность в работе АН: один из последних островков стабильности в океане безалаберности и всяческого непостоянства. По замыслу перестройщиков, на смену служебному аппарату автономной АН должен был прийти аппарат контролирующий, направляющий, директивнопроводящий, швыряющий Академию туда-сюда по приказам сверху.

Халтурин сделал доклад о работе Управления делами. Главные вопросы работы УД не стали, однако, предметом обсуждения. Говорить стали о другом: каков социальный состав сотрудников УД, почему на работу в АН попали такие-то и такие-то лишенцы, почему сами нанимали кучера (а не доверились в этом вопросе Бирже труда)? Еще: почему Халтурин пользуется мягкими вагонами и зачем ему квартира в Москве (он бесконечно мотается по делам АН в столицу и вынужден иногда по многу дней проводить там в ожидании и заседании)? Вцепились в дополнительную зарплату, которую Халтурин получал по Якутской комиссии, и тут выскочил техпом С.Н. Елизаров из Библиотеки: «Он просто-напросто крал из кармана бедных якутов!»; здесь в зале возник шум, раздался голоса: «Призовите к порядку!» — и за Халтурина вступился помалкивавший академик Комаров, глава Комиссии по изучению Якутской АССР⁶⁸. Халтурин держался спокойно и с достоинством. Он уже подал заявление об уходе, преемником его был назначен, против желания своего, А.В. Васильев (бывший полпред в Монголии). В августе они приходили на службу оба: Халтурин вел дела, Васильев при нем учился...

Общим отделом УД заведовал Г.И. Демусьяк. В свое время он работал у архиепископа Флавиана секретарем и библиотекарем; до революции служил в Комитете русской иконописи и в Археологиче-

⁶⁸ ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 3. Л. 42-43.

ской комиссии; после 1917 был научным сотрудником Музея революции, а в АН его пригласили на должность помощника ученого секретаря Библиотеки. У Фигатнера все это никак «не увязывалось» в сознании: «Какой же Вы помощник, когда у Вас ученой подготовки нет, представьте, что бы было, если бы меня сегодня назначили китайским императором!»⁶⁹ Впрочем, Фигатнер выглядел умницей в сравнении с оказавшимся на собрании Я.Х. Петерсом, председателем Центральной комиссии по чистке:

Петерс: Я считаю, со своей точки зрения, что этот гражданин находится в Академии не по назначению. Какая же от него может быть польза в научном учреждении! В Академии наук нужно изучать природу. А как может изучать природу святой? Какая работа ведется им за 180 рублей? За 180 рублей я исполняю определенную работу. На это я смотрю как на зломыслие.

Фигатнер: Товарищ Петерс, мы не входим в дальнейшую оценку той работы, которую выполняет Георгий Иванович. Если можете сказать что-либо относительно его работы, полезна, хорошо поставлена или плохо — пожалуйста, а в смысле достоинства и отрицательных качеств, мы потом вынесем решение. Если у вас есть что-либо в этой части, тогда пожалуйста.

Петерс: Я считаю, что качества не может быть никакого, если он будет на этой работе. У нас есть профессора, научные работники, которые исполняют определенную работу. (Шум, голосов не слышно).

Фигатнер: Пожалуйста, не шумите и не помогайте мне, иначе, у нас из этого ничего не выйдет»⁷⁰.

При опросе М.М. Гренстрандта (пом. зав. Хозяйственного отдела УД) неожиданную активность проявил «слесарь Путиловского завода Иванов»: он «прочел в стенгазете», что Гренстрандтом была произнесена такая фраза: «Лучше поднять порядок, чем красный флаг».

«Гренстрандт: Я таких слов не говорил. [...]

Иванов: А такого выражения Вы не употребили: "если десять лет дураков не было, теперь появились коммунисты"?

Гренстрандт: Этого я тоже не говорил.

Иванов: Ведь стенгазета тоже врать не будет. Где-нибудь в беседе с кем-нибудь проговорились»⁷¹.

Секретарем Общего отдела УД АН был В.В. Гельмерсен. В Академию его пригласили во время юбилейных торжеств, когда понадобились знатоки языков: Гельмерсен владел не только тремя глав-

⁶⁹ ААН. Раз. IV. Оп. 12. Д. 1. Л. 26.

⁷⁰ Там же. Д. 3. Л. 81.

⁷¹ Там же. Д. 1. Л. 20.

ными европейскими, но и шведским, датским, итальянским; на него легли обязанности по переписке АН с границей и общение с иностранцами — гостями АН. Его дела последнего времени — заказ за границей книг и приборов, расчеты заграничных командировок. Он переводчик немецких поэтов и график-силуэтист, его экслибрисы экспонировались на международной выставке в Лос-Анжелесе. Он был когда-то помощником заведующего библиотекой Его Императорского Величества (в библиотеке Николая II насчитывалось свыше 100 тысяч томов) и получил низший придворный чин камер-юнкера. Уволен (через полгода арестуют).

Делопроизводством в том же отделе заведовала В.Ф. Гильдебранд. Ее криминальный список: у матери был двухэтажный дом (при семье в 13 человек), сама окончила привилегированное заведение (Екатерининский институт), коммунистов называет плебеями, в АН ее пригласил предшественник Халтурина Я.Я. Майхровский (отсидевший два года в Соловках и теперь, больной, снова арестованный).

Из УД уволены Гильдебранд, пом. бухгалтера К.Л. Койранская (скрыла свое прежнее членство в кадетской партии), счетовод И.Ф. Бородулин (сын торговца, не унаследовавший богатства), Гренстранд (сменил финский паспорт на советский лишь четыре месяца назад). А потом — еще группы в сентябре, и в ноябре, и в декабре, и в январе.

С Секретариатом АН на публике не возились, обошлись без долгих обсуждений. Судьба зав. Секретариатом Б.Н. Моласа и двух его помощников — Г.Н. Соколовского (до революции якобы служил в МВД) и Э.Э. Шольца (камергер) — была, возможно, к этому времени предрешена. А старший делопроизводитель Секретариата Ю.М. Рышков взят еще 11 мая, и он вычищен по первой категории «как числящийся за ГПУ».

Следующими в очередь были поставлены гуманитарные учреждения АН — Библиотека (БАН), Пушкинский Дом (ПД), Археографическая комиссия (АК).

При обсуждении проблем БАН в зале начался живой и обстоятельный разговор, но умный анализ не интересовал Комиссию, и завтра ее работа продолжилась в тесных стенах, в отобранном кругу лиц. Через пять дней Фигатнер смог доложить всем: не может оставаться ученым секретарем БАН Ф.А. Мартинсон, который при проверке не сумел назвать ни одной работы Ленина, «и даже статьи Ленина, посвященной вопросам библиотеки, и то не читал»⁷². Блестящему библиографу и философу Ф.Ф. Скрибановичу не простили его жизни в Европе в 1923–28 (туда позвали беды собственных детей,

⁷² ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 3. Л. 231.

назад долго не принимал ВЦИК), переплетчику И.А. Гергенсу припомнили прежнее «подозрение в шпионаже», а Платону Григорьевичу Васенко — дореволюционную работу «Бояре Романовы». Заведывавшего иностранным отделом БАН С.К. Пилкина (старый чиновник! камер-юнкер! прапорщик!) не спасло и сверхслужебное рвение: «*Фигатнер*: Мне дико слышать, что в стенах Академии имеется свой цензор.

Пилкин: Дело в том, что мы получаем некоторое количество заграничных журналов, в которых часто появляются статьи антисоветского содержания, к нам обращаются представители ГПУ с просьбой указать, какие меры мы принимаем, чтобы эти антисоветские статьи не проникали дальше, и вот нам пришлось завести просмотр такого рода журналов, чтобы явно выраженное антисоветское направление не проникало дальше. И Михаилу Михайловичу [Милевскому] поручен просмотр этих статей.

Фигатнер: Кем поручен?

Пилкин: Мною поручен. Он отмечает эти статьи и представляет затем мне. Таким образом, я вижу, какой журнал можно выдавать и какой нельзя»⁷³.

На временной службе машинисткой в БАН — Н.П. Дурново. Ее отовсюду увольняли, с 1922 она не имеет постоянной работы, перебиваясь частными уроками языков, техническими переводами. Ей вопрос: какое отношение имела к царскому министру? — «Я дочь Петра Николаевича Дурново», — отвечает она с достоинством.

Н.В. Мамышевой библиотека заменяет все радости и удовольствия жизни. За тридцать лет службы библиотекарем она не взяла ни разу отпуска, не пропустила ни дня. Работает по 14 часов в сутки, живет при БАН, совершает едва ли не еженощные обходы: так необходимы постоянные наблюдения за зданием, водой, освещением. Но персональную прибавку к зарплате Фигатнер объявляет злоупотреблением: «Нельзя же считать, что выполняете функции охраны в здании только потому, что сами себе заведуете»⁷⁴.

Садовский докладывает: «при личном разговоре» с пом. библиотекаря В.Г. Конради было выяснено, что она обладала крупной недвижимостью на Полтавщине и участвовала в антропософском движении. За нее коллеги горой, наперебой говорят о ее работе в Красном Кресте и знаниях в области искусства, о том, какой она организатор дошкольного образования. С восторгом описывают необычные для помещиков отношения ее с крестьянами, которые сами заявляли в ревком о ее неприкосновенности, а в голодное время по своей инициативе привозили ей в город продукты. — Уволена, все уволены.

⁷³ ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 3. Л. 221.

⁷⁴ Там же. Д. 244.

Какая-то лавина сбрасываемых в пропасть индивидуальностей. Из-под академиков вышибается почва, на которой они стоят: мощный культурный слой научного сообщества. Неуклонно просачиваются вверх «середняки» (сегодня забылось, что слово это, в применении к ученой среде, обозначало тогда слой «рядовых» ученых; в АН середняками называла себя группка во главе с Никифоровым — и премного гордилась двусмысленным этим званием. А центральная пресса, рядом со сводками о том, что в колхозы повалил середняк, сообщала, забегая вперед событий, что середняки уже вершат все дела в АН СССР).

Садовский со вкусом читает послужной список А.И. Заозерского, кончающийся словами «в настоящее время арестован органами ГПУ», — и Фигатнер рад возможности «пошутить»: «Ясно, что ему никакие вопросы не могут быть заданы, так как его нет в природе этого зала, но, может быть, кто-нибудь может сказать о его работе?» Как ни странно, берет слово С.В. Рождественский: «Я о нем могу сказать как об историке. Александр Иванович принадлежит к числу очень крупных специалистов» и т.д.

«Садовский: Дальше у нас есть то же самое — арестованный с 18 апреля 1928 года гражданин Абрамович-Барановский.

Из зала: У меня вопрос к администрации: почему они до сих пор состоят в штатах Академии наук?

Рождественский: Александр Иванович Заозерский уже уволен.

Фигатнер: Но в штатах он числится.

Рождественский: Он уволен с 25 июля.

Фигатнер: Но, по-видимому, это ваше решение не прошло все инстанции, потому что мы получили о нем сведения как о числящемся в штатах. А Абрамович-Барановский?

Рождественский: Он еще окончательно не уволен.

Из зала: Я просил бы комиссию обратить на это известное внимание.

Фигатнер: Будьте уверены, что комиссия обратит внимание на все то, на что необходимо обратить внимание в связи с проверкой»⁷⁵.

Когда уже далеко зашла чистка БАН и УД, вернулся из-за границы Ольденбург. В своем Азиатском музее отстоял — на время — М.М. Гирса и В.А. Эбермана. Уговорил плачущего Карпинского (тот «больше не может видеть этих несчастных людей, которым он ничем помочь не может»)⁷⁶ — уговорил его не уходить из Президентов. В остальном присутствие непременного секретаря мало что изменило.

⁷⁵ ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 3. Л. 229-230.

⁷⁶ ААН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 51. Л. 16 об.

В Зоологическом музее — история с герпетологом С.Ф. Царевским, который был дяконом с 1921 по 1924, потом перестал принимать участие в церковном служении, но сана не снял. Фигатнер спросил его, как Царевский относится к дарвинизму. Тут директор Музея член-корреспондент АН А.А. Бялиницкий-Бируля крикнул на весь зал: «Дарвин был не только верующим, но и церковным старостой своего прихода в Англии!» Растерявшись, Фигатнер ляпнул: «Это было в Англии, но в Советском Союзе этого не допустили бы!»⁷⁷

В Якутской комиссии никто не вступился за графа Я.Н. Ростовцова: был гофмейстером, секретарем императрицы Александры Федоровны. Вопросы проверяющих не смогли унижить его: «Графское достоинство было дано деду моему за труды по освобождению крестьян!»⁷⁸

В конце августа комиссия по чистке устраивает себе перерыв. Ольденбург пишет просьбу об освобождении его от неперемного секретарства («я считаю, что каждый ответственный работник должен уходить вовремя, пока не наступит ослабление работоспособности»)⁷⁹. Его отставку не принимают. Через несколько дней на «академическом обеде» в столице Воронов передает ему: «Москве желательно видеть С.Ф. на посту Президента АН»⁸⁰. А Президент снова и снова появляется у Ольденбурга «в очень тяжелом, беспомощном состоянии, не находит выхода из создавшегося положения, переживая его крайне тяжело, плачет, жалуется»⁸¹. Во время одного такого визита, в середине октября, — рвется хотя бы душу отвести перед всеми: «Он не хочет сейчас уходить из Президентов, боясь, что его уход могут считать за демонстрацию, но он желает собрать у себя академиков, чтобы высказать им свое отрицательное отношение к текущему моменту. С.Ф. сказал, что он считает подобное заявление Президента сейчас неудачным, но А.П. остался при своем»⁸².

...После почти двухмесячной паузы в работе его комиссии явился из Москвы Фигатнер. Первые два дня его нового наезда в Ленинград прошли в совещаниях с Ольденбургом, содержание которых неизвестно.

Возможно, в эти дни некто довел до сведения Фигатнера, что в БАН лежат выигрышные документы, включая отречение от престола обоих Романовых. Если это так, то, вероятнее всего, информатором был новый зав. Русским отделением БАН В.П. Викторов — ис-

⁷⁷ Ростов А. Указ. соч. С.472. (Мемуарист относит этот эпизод к Г.И. Демусюку: ошибка памяти).

⁷⁸ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Л.221.

⁷⁹ Там же. Д.51. Л. 18 об.

⁸⁰ Там же. Л. 19 об.

⁸¹ Там же. Л.21 об.

⁸² Там же. Д.52. Л.6.

торик, партиец, переброшенный из Военно-политической академии им. Толмачева. Но не менее вероятно, что общий план использования документов, политически компрометирующих Академию, был намечен заранее, — и тогда Викторов был просто исполнителем-поисковиком.

О том, что в АН хранится много важных документов по новейшей политической истории, было известно давно. Об этом писали, и не раз, и даже упоминали кое-что из того, что было потом инкриминировано Академии. Верховным архиводержателем считал себя Центрархив РСФСР. Академии наук не раз предписывалось передать ему такие-то и такие-то категории архивных фондов. Академия оттягивала выполнение предписаний под благовидными предложениями (неразобранность фондов! АН — учреждение союзного, а не республиканского подчинения!).

В августе комиссия по чистке наткнулась в архиве ПД на запечатанный пакет, который был передан туда с обязательством не вскрывать его до 1946 года (обычный случай в архивной практике). Вскрыли. Увидели документы, связанные с летними переговорами 1917 года о выезде семьи Романовых в Англию. Позубоскальствовали в печати над сотрудниками ПД, что «свято блюдут гофмейстерский приказ»⁸³, — дальше дело не раздували. Надо сказать, что подобных материалов, переданных на хранение в АН при условии выполнения ею определенных требований, было в АН немало, причем с дореволюционных времен.

21 октября, в 11 часов, комиссия Фигатнера пришла в БАН. Викторов сделал доклад о материалах, которые хранятся в архиве Библиотеки. Фигатнер пригласил Ольденбурга прямо в комнату №14, где и начали осмотр бумаг. Тут же наткнулись на конверт с надписью Г.Е. Старицкого (брат жены академика Вернадского), где «оказались» подлинные отречения от престола Николая II и Михаила. На вопрос Фигатнера, знал ли С.Ф., что эти документы хранятся в АН, тот отвечал, что не знал. На вопрос, как они попали в библиотеку, ответил предположением: «так как на конверте надпись сенатора Георгия Егоровича Старицкого, то, очевидно, в смутное время сенатор Старицкий передал эти документы академику Шахматову на сохранение, а затем Шахматов передал следующему директору, так они хранились до настоящего дня»⁸⁴.

Из записей Е.Г. Ольденбург: 22 октября. «Было создано экстренное заседание Президиума. В Москву было отправлено донесение о работе Комиссии Фигатнера и было прибавлено, что в 1926 году было сообщено в Москву в Комиссию Енукидзе об архивах, передан-

⁸³ Лен. правда. 1929. 22 августа.

⁸⁴ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.52. Л.8 об.-9.

ных в Библиотеку Академии Наук, и был ответ, что оставить все вплоть до создания Центрального Архива»⁸⁵.

В ночь с 23 на 24 октября прошли большие аресты в городе вообще и среди работников АН в частности. Взяты Григорий Николаевич Соколовский (ближайший помощник Моласа, вытянувший в предшествующие дни на своих плечах техническую подготовку октябрьской сессии АН) и Александр Игнатьевич Андреев (ученый секретарь АК).

В Ленинград срочно прибыли председатель Центральной комиссии по чистке Я.Х. Петерс и член президиума той же комиссии Я.С. Агранов. 24 октября, в час дня, Петерс, Агранов и Фигатнер пригласили Ольденбурга в малый конференц-зал для «обмена мнениями» в присутствии двух стенографисток. Состоялся форменный допрос. Впрочем, тройка была безупречно вежлива, даже извинялись перед Ольденбургом, что потревожили его. Среди вопросов: докладывал ли академик Платонов Президиуму АН о том, что в архиве хранятся акты отречений Николая II и Михаила? переданы ли *все* документы, политически важные, из Академии наук? За ответы поблагодарили. Через час был вызван «на разговор» Платонов. В конце встречи он обратился к допрашивающей тройке: «Ведь вы так же, как я, не придаете политического значения этим документам, а лишь историческое?» — и получил утвердительный ответ⁸⁶.

Оригиналы отречений были не единственной «находкой», вокруг которой был поднят шум. Несколькими днями позже Бухарин, прибывший на сессию, объяснил Ольденбургу, что еще опаснее «архив» партии с.-р. (1918), возбудивший у власти вопрос: кто и когда передал его в БАН? Кроме него, в БАН хранился «архив» (это слово упорно употреблялось вместо более точного выражения «архивные материалы») ЦК партии к.д. (1905-15), список членов Союза русского народа, «часть архивов» П.Б. Струве, А.Ф. Керенского и т.д. Изъяв первую партию подобных бумаг в БАН, ПД и АК, проверяющие опечатали затем (ненадолго: важна сама акция) хранилища этих учреждений, обставив дело пуше-важным церемониалом: Фигатнер самолучно явился к Ольденбургу и просил назначить для присутствия при опечатании кого-либо из академиков. Вечером 25-го Фигатнер укатил в Москву — явно за инструкциями, — а следствие продолжилось под руководством Петерса и Агранова.

Съехались на сессию академики, и Бухарин, смеясь, сказал Ольденбургу, что скоро выяснится и его, Ольденбурга, личное положение. — Знал ли он вполне о придуманном плане? Во всяком случае, телеграмма, направленная в ЦК ВКП(б) от имени всех академиков-

⁸⁵ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.52. Л.9 об.

⁸⁶ Там же. Д.57. Л.234.

коммунистов и Ленинградского обкома партии, содержала фразу: «Материал достаточный для уличения Ольденбурга в крупных упущениях, Платонова даже в прямом обмане»⁸⁷. В последний день сессии, 30 октября, Москва прислала ответ в виде телеграммы Рыкова Карпинскому (оглашена на закрытой части Общего собрания): «Мною получено сообщение председателя комиссии НК РКИ Фигатнера об обнаружении в архивах Академии очень важных с государственной точки зрения документов. Ввиду того, что о существовании этих документов не было доведено до сведения правительственных органов, я считаю необходимым немедленно отстранить академика Ольденбурга от обязанностей неперменного секретаря и прошу сессию Академии наметить новую кандидатуру»⁸⁸.

Из дневника Е.Г. Ольденбург. 30 октября 1929: «В семь часов он вечера вернулся. Я пошла в переднюю, услышав, что кто-то пришел. Из дальней передней Сергей быстро прошел в нашу ближайшую, где мы раздеваемся, он бросил пальто и шапку на стол перед зеркалом, и, как-то задыхаясь, сказал: "Отставлен Рыковым..." За ним шел Вернадский, Ферсман, Борисяк, после всех Молас... Я как-то сразу не поняла... Что-то случилось ужасное, тяжелое... Я смотрела на Сергея. "Отставлен Рыковым из Непременных Секретарей", — повторил он отрывисто, проходя в свой кабинет... Все пошли за ним. Он сел за свой громадный письменный стол, зажал голову руками и смотрел вниз. Все стояли вокруг. Было молчание... [...] Первый заговорил Вл.Ив. Вернадский. Он говорил, что тут какое-то недоразумение, что это не может быть, что скоро все выяснится... Но Сергей поднял голову и твердо, глядя прямо на всех, сказал: "Нет, ничего не надо выяснять... И так все ясно. Очевидно, они решили... Это было обдуманно заранее..." И он снова сжал себе голову... Тогда заговорили все... Говорили сразу... Сергей молчал»⁸⁹.

Всю эту ночь С.Ф. Ольденбург и его жена не спали. Жгли ту часть архива кадетской партии, которая хранилась у С.Ф. дома, и Бог знает что еще. К утру все в квартире было покрыто слоем пепла.

«31 октября, четверг.

Что писать? Что записывать? Оборвалось все... В доме тихо. Эта ужасная тишина и пустота. В доме точно умерший... Да, конечно, так бывает, когда кто умрет... И у нас в доме умерший... Ему нет определенного имени, но чувствуется... Пусто и тихо... Не звонит телефон... Ни к нам никто не звонит, ни мы ни к кому не звоним... Там, в Академии, наверху, над нами слышны шаги, движение... идет работа... В окна, во дворе, взглянешь — опять видно: идет работа...

⁸⁷ Есаков В.Д. Советская наука... С. 197.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Л.238-238 об.

В окна на улице посмотришь — к главному подъезду идут люди, подходят автомобили... Идет работа... Но все идет помимо Сергея... Он больше никому не нужен...»

«1 ноября, пятница. Эти две ночи мы спали одетые... Да какой это сон... Я лежу и слушаю — Сергей не спит. Горит лампа... Он читает. В доме тихо... Бедный Сергей, бедный мой Сергей... Все же я послушала Владимира Ивановича и приготовила все вещи для тюрьмы, на случай ареста...»⁹⁰

Поползли слухи. Будто бы Ольденбург подвергнут домашнему аресту. Будто бы на срочной — по телеграмме — отставке его усерднее всех настаивал Н.П. Горбунов. Будто бы от ареста его спасло заступничество Марра. Платонов звонил, звал поехать в Москву — объяснять, оправдываться; С.Ф. решительно отказался. Через полторы недели стал ходить на свою директорскую службу в Азиатский музей. За полтора месяца, последовавшие после снятия, к нему заходили из академиков только Вернадский, Марр, да один раз Щербатской.

В газетах много писали о найденных документах. Подчеркивалось: некоторые из них столь актуальны, что «могли бы в руках советской власти сыграть большую роль в борьбе с врагами Октябрьской революции»⁹¹. О неназываемых документах, поступивших в АК в 1922, утверждалось, что хранение их «должно караться военным судом»⁹². При этом узкий круг упоминаемых всюду бумаг был один и тот же. Чаши всего фигурировали «материалы охранки» (на деле — личный архив бывшего шефа жандармов В.Ф. Джунковского, имевший бытовое, историческое и литературное значение и принятый в Рукописный отдел БАН на условии распоряжения владельца своими бумагами до его кончины).

На заседании Бюро СНР 13 ноября Фигатнер сообщил подробности: изъяли документы митрополита, «сидящего сейчас в Соловках»; вскрыли «архив ЦК меньшевиков»; нашли архив бывшего члена ЦК с.-р. В.К. Агафонова (это профессор-геолог и почвовед); в АК «документы военного характера» поступили из канцелярии Ольденбурга; Джунковский «почти до июня 1929 г.» допускался для работы к своему архиву, делал выписки; отыскали серебряные вещи, погоны, медали, даже кубки (все это в ящиках Измайловского полка, сданных на хранение в 1918-19)... Начав ряд обличительных фраз со слов «мы обнаружили», Фигатнер далее продолжал: если бы 10 лет назад получили военные документы — удачней шла бы гражданская война; если бы имели эсеровские материалы — то предупредили бы ряд мятежей;

⁹⁰ ААН. Ф.208. Оп.2. Д.57. Л.239-240 об.

⁹¹ Лен. правда. 1929. 6 ноября.

⁹² Лен. правда. 1929. 6, 11 ноября.

документы охранки тоже облегчили бы борьбу. «Академия наук превратилась в хранилище всего того, что враждебно советской власти, советской общественности. [...] Чем можно доказать, что Академия наук должна была хранить материалы контрразведки, материалы, которые были приняты на хранение только в 1927 году! Зачем это нужно было Академии наук? Зачем нужны были Академии наук материалы охранки, шпионского характера, зачем нужен был материал военного характера, который не подлежит ее ведению? Зачем ей нужен был материал ЦК эсеров, кадетов? Правда, Сергей Федорович был членом ЦК кадетов, но это дело его личное, зачем же он подвергал опасности Академию наук, сдавая этот архив на хранение, и не свой личный архив, а архив партии? Спросил он об этом разрешения?»⁹³

Под прикрытием речей в ноябре-декабре 1929 совершилось ограбление АН. Лица, мобилизованные комиссией Фигатнера (вплоть до военных топографов), прочесали фонды БАН, ПД, АК. Были изъяты отдельные листы, пачки, папки, связки, свертки, корочки, картоны, ящики, сундуки. Почти сто папок прокламаций (в составе «дел департамента полиции»). Ящик стихотворений 17-го года (там одно — про «загрязнение свободы» большевиками). Уникальные собрания нелегальных изданий, тайно переданные в БАН еще до революции. Книги, уже внесенные в библиотечный каталог. Картины, ордена, одежда, масса «мелочей, не имеющих никакой цены» (выражение скороспелой описи одного семейного архива). В числе потерь Пушкинского дома — архивы Семеновского полка (444 связки бумаг) и Главного управления по делам печати. Подавляющая часть инкриминированных АН политических материалов была выдернута из личных фондов и коллекций (фондообразователи берегли не только семейные реликвии, но и документы эпохи). Замки взламывались, печати срывались. Игнорировались завешания о сроке вскрытия пакетов и условия передачи бумаг, книг и вещей на временное хранение. Все перетасовывалось и растаскивалось в разные концы. Что-то ухватили для своих нужд ОГПУ и комиссия Фигатнера. Кое-что ушло в Госфонд (для распределения по музеям и распродажи). Немного попало в Музей революции, Институт Маркса и Энгельса, Истпроф... Гораздо больше — в Институт Ленина. Львиная же доля досталась, как и следовало ожидать, Централхиву РСФСР: «Акт. Ленинград, декабря 6-го, 1929 года. Акт. Мы нижеподписавшиеся представитель Библиотеки Академии Наук Викторов, В. с одной стороны и фельдгеръ ППОГПУ ЛВО Есиков с другой, составили настоящий акт в том, что первый сдал а второй принял 134 (сто тридцать четыре) ящика с материалами работ Правительственной Комиссии

⁹³ ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 5. Л. 1-7.

по чистке аппарата Академии Наук, предназначенных для отправки в Центрархив»⁹⁴. (В тот же день 28 ящиков было принято тем же фельдъегерем ОГПУ из Пушкинского Дома; и продолжались подобные акции по крайней мере до конца декабря).

С 5 ноября в АН работала еще одна правительственная комиссия — Следственная комиссия Петерса, куда входил и Фигатнер. Ферсман в своей «докладной записке» (6 ноября) назвал основным виновником Платонова, с его «чисто коллекционерским подходом» и «недоверчивым отношением» к Центрархиву⁹⁵. По предложению Ферсмана, Платонов подал в отставку, и 9 ноября она была принята Президиумом АН. Затем подал в отставку Ферсман, и с 26 ноября на два с лишним месяца Кржижановский остался единственным вице-президентом АН. И.о. неперменного секретаря после отставки Ольденбурга стал В.Л. Комаров. Кржижановский ввел практику устраивать время от времени в своей квартире «товарищеские чаепития», куда приглашался «академический актив»⁹⁶. Эта практика далеко переползла и в 1930 год, когда Комаров сделался вторым вице-президентом, а неперменным секретарем избрали Волгина. Здесь, на квартире Кржижановского, отобранной группой академиков и неакадемиков, в обход Президиума АН, решались едва ли не все важнейшие дела. Президента Карпинского никогда туда не приглашали, он об этих чаепитиях слухом не слыхивал.

Первейшей задачей оставалось — «пересмотреть людской состав». К началу декабря из 960 штатных сотрудников АН комиссия Фигатнера сняла 128, из 830 сверхштатных — 520. Когда 13 декабря Фигатнер докладывал Ленинградскому бюро СНР об этих промежуточных результатах (чистка продолжалась), главный итог он подвел в словах: «Сейчас Академии в старом виде нет, она сломлена»⁹⁷. Кипарисов сформулировал задачу на будущее: «поставить Академию наук под стеклянный колпак»⁹⁸, а в речах статистов появились апелляции к пролетарскому суду.

«Дело АН» современники называли еще «делом историков». Были и другие названия у этой громкой истории: «дело Платонова», «дело Платонова - Тарле», «дело четырех академиков». Не наше, к огорчению, право — погрузиться в семнадцать основных томов следственного дела, в два толстых реабилитационных тома, во внутриведомственную и надведомственную переписку. Без них нет в руках той суммы фактов, которая позволила бы анализировать глубинные

⁹⁴ ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 7. Л. 4.

⁹⁵ ААН. Ф. 2. Оп. 1-1929. Л. 8. Л. 504-505.

⁹⁶ ААН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 52. Л. 16 об., 23 об.

⁹⁷ ААН. Разр. IV. Оп. 12. Д. 5. Л. 66.

⁹⁸ Там же. Л. 65.

вещи — психологию участников чудовищной инсценировки, социально-психологические механизмы агрессии, слома, деградации. В свою очередь, без такого первичного конкретного анализа не сдвинуться к обобщениям о решающем (завершающем) периоде становления тоталитаризма.

В настоящее время нам известны имена почти полутора сотен человек, арестованных в связи с «делом АН» в период с октября 1929 по декабрь 1930. Наверняка учтены не все. Темны судьбы многих «вычищенных» и куда-то исчезнувших. Не до конца очерчен круг арестованных по московскому филиалу «дела», тем более неполны списки арестованных в провинции. Почти не знаем тех, кто угодил под стражу ненадолго и вернулся из-под следствия на волю (как будущий академик Б.Д. Греков). Общее число прямо пострадавших по «делу АН», включая административно высланных, следует, видимо, оценить в несколько сотен человек. Примерно на четыре пятых это гуманитарная интеллигенция. Две трети арестованных — историки и близкие к ним музееведы, краеведы, архивисты, этнографы.

Главный герой — Сергей Федорович Платонов. Крупный историк, специалист по социальной истории России. В конце двадцатых он и Тарле противостоят Покровскому и Лукину, а также следующему эшелону — «неистовым ревнителям» типа Цвибака, Зайделя, Томсинского, Фридлянда, Ковалева. В прошлом Платонов — известный деятель женского образования: профессор Бестужевских курсов и Женского педагогического института, в который он вложил и личные средства. После Октября он, по словам дочери, «разочаровался в своем народе»⁹⁹. Нашел, однако, новые точки приложения сил (Главархив, переселенческое управление, публичные лекции) и начал новую служебную карьеру. Летом 1919 попал в Чека, но ему повезло: был выпущен вечером того же дня по личному приказанию Зиновьева и, как сам говорил, во время этого «приключения» «ни разу не получал впечатлений, которые бы заставили страдать душу»¹⁰⁰. Избран в академики в 1920 г. Именно ему приписывали злую эпиграмму на Ольденбурга («Академик Ольденград // Коммунистам лижет зад. // Секретарь его Молас // Коммунистам лижет фас!»¹⁰¹), хотя сам-то Платонов превосходно приспособился к системе, а в истории с выборами коммунистов в АН держался в проправительственном крыле. Дело Платонова неожиданно стало, кажется, его звездным часом. Показания, данные им под стражей (мы знаем лишь цитаты из них), полны безупречного достоинства:

⁹⁹ Блок А.А. Собр. соч.; В 8 т. Т.7. М.; Л., 1963. С.315.

¹⁰⁰ Письмо Н.С. Платоновой к В.С. Шамониной от 19 июня 1919. (Копия). — Собр. автора.

¹⁰¹ Ростов А. Указ. соч. С.472-473.

«Касаясь своих политических убеждений, должен сознаться, что я — монархист. Признавал династию и болел душой, когда придворная клика способствовала падению бывшего царствующего дома Романовых».

«Самый факт существования Советской власти в течение 12 лет не является показателем окончательного закрепления форм постоянного строя, поэтому считаю диктатуру рабочего класса переходной к демократическому строю».

«Правительственная партия должна ориентироваться не только на рабочий класс, а преимущественно на крестьянство как главную силу нашей страны, в противном случае брожение среди крестьянства и восстания неизбежны»¹⁰².

«Клятвою утверждаю, что к антиправительственной контрреволюционной организации не принадлежал и состава ее не знаю, действиями ее не руководил ни прямо, ни косвенно, средств ей не доставлял и для нее денег от иностранцев или вообще из-за границы не получал. Считал бы для себя позором и тяжким преступлением получать такие деньги для междуусобия в родной стране. Не могу отступить от этих показаний, единственно истинных, под страхом ни ссылки, ни изгнания, ни даже смерти»¹⁰³.

В «деле АН» местами угадывается сходный почерк с «делом Промпартии». Одинаков прием валить часть главной «вины» на мертвых. Если вдохновителями «Промпартии» следствие объявило «вредителей» Пальчинского (расстрелян до суда), Хренникова (умер во время следствия), Грум-Гржимайло и пр., то инициатором «Все-народного союза борьбы за возрождение свободной России» был, наряду с Платоновым, назван его давний друг — московский академик М.М. Богословский, скончавшийся в 1929.

Главный сюжет придуман был такой.

После революции Платонов решил собрать в учреждениях АН монархистов — как старых слуг царя, так и монархическую молодежь. Подлинники отречений Государя и великого князя Михаила Александровича он сохранял в АН вот почему: Государь отрекся в пользу своего брата, а тот — в пользу Учредительного Собрания; поскольку большевики разогнали Учредительное Собрание, государственный строй России не изменен законным образом — следовательно, престол остается за династией Романовых.

Далее. Смещение акцентов в работах Платонова о Смутном времени (раньше воспевал Минина и Пожарского, теперь — Скопина-

¹⁰² Брачев В.С. «Дело» академика С.Ф. Платонова. // Вопросы истории. 1989. №5. С. 126-127.

¹⁰³ Копия реабилитационного определения Военной коллегии Верховного Суда СССР от 20 июля 1967 г. — Собр. Д.Юрасова.

Шуйского, призвавшего шведов) связано со взятым курсом на интервенцию, в которой главную роль должна играть Германия, заинтересованная в возрождении Российской империи. Во время научной поездки в Германию Платонов беседовал со своими друзьями — прусскими историками, побуждая их уговорить Гинденбурга дать стотысячную армию для похода на Ленинград, где Платонов провозгласит монархическое правительство. Тарле же начал переговоры с Францией, чтобы она предоставила Германии (которую Версальский договор лишил авиации) французскую авиацию для поддержки того же похода.

Премьером, по «сценарию», намечен был Платонов, министром иностранных дел — Тарле, народного просвещения — Рождественский, вероисповедания — Бенешевич, военным министром — Габаев (раскритиковавший в одной из статей выжидательное бездействие декабристов на Сенатской площади). Престол Платонов хотел предоставить своему ученику по Военно-юридической академии вел. князю Андрею Владимировичу. О том, как утвердилась в «сценарии» эта фигура, вспоминает С.В. Сигрист: первым на допросах «это имя назвал якобы проф. Рождественский. Далее добивались показаний от других. Зав. отделением Пушкинского Дома Михаил Дмитриевич Беляев, разделявший со мной заключение с конца февраля 1930 г., говорил мне в июле, что его вызвал Мосевич и держал девять суток в темном карцере, угрожал расстрелом и высылкой старухи-матери, если ничего не "вспомнит". Тогда он вспомнил, что раз, будучи в гостях, беседуя с Ниной Сергеевной [Платоновой] по поводу фельетона Заславского, в котором тот издевается над всеми эмигрировавшими Романовыми, заметил, что среди них нет популярных фигур, на что Н.С. ответила: "Папа говорит, что его ученик по Академии Андрей Владимирович был бы подходящим Царем и быстро приобрел бы популярность". Обрадованный Мосевич перевел его в двойник, где неделю Беляев отсыпался и отъедался, потом вернулся в прежнюю 21-ю камеру, где он мне первому это рассказал. Разговор действительно имел место, но собеседники ему не придавали значения. Для нас, убежденных и образованных монархистов, было ясно, что кандидатом мог быть лишь старший брат Кирилл Владимирович. У холостого Андрея Владимировича к тому же не было наследника. И смешно было думать, что он станет Царем "по знакомству" с Платоновым»¹⁰⁴.

Следствие по «делу Платонова» вели начальник секретно-оперативного управления С.Г. Жупахин¹⁰⁵, начальники отделов А.А. Мосе-

¹⁰⁴ Ростов А. Указ. соч. С.481.

¹⁰⁵ Должность Жупахина названа здесь по С.В. Сигристу (А.Ростову). Согласно др. источнику, Жупахин был в ленингр. ГПУ начальником Экономического отдела,

вич и А.Р. Стромин, далее — В.Р. Домбровский, А.М. Алексеев, А.Н. Шондыш, Алдошин и другие, вплоть до молодых практикантов ОГПУ (Макаров). «Сценарий» явно сочиняли по ходу «дела». Рождались новые хитросплетения сюжета — и открывались для арестов новые «амплуа». Отчетливо просматриваются полосы, когда вдруг начинают усиленно брать бывших военных, или «шпионов», или краеведов. В выборе исполнителей на «заглавные роли» в ряде случаев не ошиблись (сломались и стали сотрудничать со следствием Измаилов, Рождественский, Мерварт, Готье, Бенешевич) — каждая такая удача должна была разжигать аппетиты и фантазию «сценаристов».

Из воспоминаний С. В. Сигриста:

«Хочется поведать случай, напоминающий тулуп Гринева в "Капитанской дочке" Пушкина. Во дни Временного правительства вернувшийся из ссылки в Курейке Сталин снял комнату у вдовы-учительницы Горской, у которой была красивая 19-летняя дочь Наталья Сергеевна, ученица Платонова, вышедшая потом за энтомолога барона А.А. Штакельберга, своего и моего сверстника. Она отказалась давать против нас показания, и Стромин еще в январе лишил ее передач и держал в одиночной камере. У нее пошли фурункулы, и тогда ей разрешили передачи, но держали в одиночке и выводили на 10-минутную прогулку после полуночи на пустой женский двор. Мать сумела съездить в Москву и добиться приема Сталиным, который был в прекрасном настроении после победы на XVI партсъезде над правыми — Бухариным и другими. Он утешил мать: "все при вас устрою". Позвонил начальнику ОГПУ в Ленинград и приказал сейчас же выпустить Н.С. Штакельберг и прекратить следствие в ее отношении, ибо Сталин за нее ручается»¹⁰⁶.

Первые серии арестов катились по колее, проложенной комиссией Фигатнера, и поначалу давили людей в общем в той же последовательности. В ранних партиях арестованных — разные «бывшие», снятые с руководящих должностей в аппарате АН: зав. Секретариатом Б.Н. Молас, его помощник Г.Н. Соколовский, зав. Архивом А.С. Путилов, зав. издательством Якутской комиссии граф Я.Н. Ростовцов. В первых же партиях — в соответствии с первоначальным пакетом обвинений — сотрудники БАН, ПД и АК, в том числе по БАН — ученый секретарь Ф.А. Мартинсон, зав. Иностранным отделением С.К. Пилкин, старшие ученые хранители Ф.И. Покровский и Ф.Ф. Скрибанович, по АК — зам. председателя (Платонова) член-корреспондент АН Василий Григорьевич Дружинин и ученый секретарь А.И. Андреев. Аресты работников трех учреждений, которыми

который ведал делами «вредителей». Во всяком случае, в разработке «дела АН» сотрудничали несколько отделов ленинградского ГПУ.

¹⁰⁶ Ростов А. Указ. соч. С.478-479.

руководил Платонов, выявили удар против него, но было неясно, кончится ли дело его отставкой.

14 ноября 1929 был арестован 36-летний пушкинист, старший ученый хранитель ПД Н.В. Измайлов. Он был женат на дочери академика Платонова, имел 5-летнюю дочь. В обвинительном заключении приведут его показания: воспитанный в монархическом духе, он еще более в нем укрепился, женившись на Наталье Сергеевне; посещая тестя и участвуя в разговорах с ним и Тарле, он стал свидетелем разработки интервенционистского плана.

1 декабря арестовали Сергея Васильевича Рождественского. И до, и после 1917 Рождественский преподавал в том институте, который под именем Женского педагогического был основан в 1903 вел. князем Константином Константиновичем (Платонов с самого начала был там директором). Рождественский — крупнейший специалист по истории народного просвещения в России, член-корреспондент с 1920, заместитель Платонова по БАН в продолжение всего директорства его (с 1925). Дочь С.В. была художницей: при обыске чекисты наткнулись на принадлежавшие ей изображения обнаженной натуры («А, профессор, занимается порнографией!»¹⁰⁷).

Из воспоминаний Н.П. Анциферова:

«При следующем допросе Стромин [...] с торжествующим лицом протянул мне рукопись. С болью я прочел показания старого Сергея Васильевича. Он писал, что, проживая в санатории Дома ученых в Детском Селе, он участвовал в экскурсии, которую я проводил в Александровском дворце. В качестве руководителя экскурсии я произвел на него впечатление человека, подходящего для их организации. И он предложил мне вступить в нее, а я тут же дал свое согласие. "Что ж, вы и теперь, избалованный показаниями вашего профессора, будете продолжать отекаться от участия в их организации?" — "Да, буду. Это показание, хотя и написано его рукой, сделано *сломленным* человеком". Стромин изменился в лице. Неужели же он был так наивен, что рассчитывал на мою растерянность?!"¹⁰⁸

Но эта сцена была разыграна через несколько месяцев. А гораздо раньше на закрытом активе ленинградских партработников Киров уже сообщил, что Рождественский признал свое соучастие в заговоре академика Платонова, цель которого — восстановление монархии и провозглашение царем вел. князя Андрея Владимировича¹⁰⁹. В феврале о тех же показаниях Рождественского говорил в Москве

¹⁰⁷ ААН. Ф.518. Оп.2. Д.49. Л.81.

¹⁰⁸ Анциферов Н.П. Три главы из воспоминаний. // Память. Вып. 4. С.91-92. Также в журн. Звезда. 1989. №4. С. 136. Первая публикация отличается обширными примечаниями.

¹⁰⁹ Ростов А. Указ. соч. С.475.

Рыков¹¹⁰. Неизвестно, какими мерами вынудили старика «признаться». Его держали в одиночке первого корпуса ДПЗ без передач, проголод, газет, журналов, без смены белья (как и всю первую группу заключенных).

Теперь мы почти безошибочно можем утверждать, что задания на оперативную разработку «дела Платонова» были даны задолго до его ареста. Но в то время едва ли кто предполагал, что ГПУ тронет академиков. Один лишь Платонов, по воспоминаниям, лучше других угадывал будущее, чему свидетельство — его экспромт на французском языке: «On nous dit que l'homme propose, // On nous dit que Dieu dispose. // Proposer ou disposer — // Nous serons tous au ДПЗ»¹¹¹.

Платонов был арестован, по одному источнику, в ночь на 14 января 1930 («старый Новый год»), по другому — 12 января (но возможно, что это дата ордера на арест). Приехал за ним сам Жупахин в сопровождении Мосевича и Стромина. Арест сопровождался обыском в квартире и изъятием «ценностей». Вместе с Платоновым забрали его младшую дочь Марию (не так давно она сопровождала его в Германию, где они виделись с эмигрировавшей дочерью С.Ф. — Надеждой Сергеевной Краевич). Марию Сергеевну поместили в одиночке женского корпуса ДПЗ, академика — в комнате гостиничного типа, не с решеткой, а с сеткой на окне. Ему был создан улучшенный режим: мясной обед, сладости к чаю, уборка камеры уборщиком из подследственных. Привезли платоновские вещи: С.Ф. спал на привезенной из дома кровати, работал со своими книгами, за своим письменным столом. Начал было писать воспоминания. Родные неоднократно посещали его во время следствия, привезли в камеру любимую его кошечку. Сохранилась даже записка¹¹², посланная им легально своим арестованным дочерям (вскоре взяли и старшую, Нину,

¹¹⁰ Сегодня. Рига. 1930. 23, 27 февраля.

¹¹¹ Буквальный перевод: «Нам говорят, что человек предполагает, // Нам говорят, что Бог располагает. // Предполагать или располагать — // Мы все окажемся в ДПЗ». (фр.). — Приводится в воспоминаниях А.Ростова. Указ. соч. С.473.

¹¹² Вот эта записка, написанная 9 июля 1931 в ответ на поздравление (С.Ф. Платонову исполнился 71 год): «Дорогие Ниночка и Маруся! Спасибо от всего сердца за Вашу память на 16.VI. Этот день был особым праздником: были гости — родные. Марушеньку очень благодарю за ее художественные экспромты. Они интересны: в одной картинке можно увидеть кота в кресле, а на обороте — он же курица в лукошке. Но серьезно: до конца жизни не забуду твоего лоскутка, как дорогого голоса в разлуке. Радуюсь тому, что ты бодра, и крепко целую. Ниночка, милая! Мемуаров я не пишу. В пояснение к письмам от мамы 1885 года я написал некоторые воспоминания — «для детей» и разобрал кое-что из моих бумаг. Писать мемуары в данной обстановке не собираюсь; но собрано и вспомнано много. Выяснены некоторые родословия первой половины и середины XIX столетия. Крепко, милье, любимые, вас целую и желаю всего лучшего. Любящий вас Папа». — Собр. автора.

близко стоявшую к Тарле). Два раза в месяц Мосевич возил Платонова гулять на Острова (в закрытом автомобиле)¹¹³.

С Платоновым работал Андрей Андреевич Мосевич — один из крупных тогдашних чекистов. Впоследствии, после убийства Кирова, он оказался одним из «крайних» и попал в гулаговскую систему, что в 1937–38, при «отстреле» очередного поколения чекистских начальников, спасло ему жизнь. Мосевич благополучно проработал начальником Севдвинлага до послевоенных годов и, вспоминая прошлое, говорил, что «спас Платонова от расстрела»¹¹⁴: о чем здесь речь — пока неясно. Когда обнаружилось, что арест дочерей и учеников и угрозы расстрела не действуют на Платонова, Мосевич нашел оригинальный ход, о котором впоследствии рассказал собиравший сведения о «деле Платонова» Сигрист:

«Мосевич сказал, что потомки судят о разных декабристах по их поведению на допросах и наши потомки будут судить о Платонове, читая его показания, в которых он лукавил и прикидывался сторонником советского режима. Тогда честный и мужественный академик объявил себя монархистом: отрицая всякие заговоры, сказал, что до революции разделял программу Союза 17 октября, что сознательно отстаивал Академию от вторжения коммунистов и окружал себя честной монархической молодежью. Нас — молодых ученых — характеризовал так: "честные научные работники, которые не могут мириться с режимом, при котором без ярлыка какой-нибудь Комкадемии нельзя издать объективного научного труда". Когда Мосевич спросил: как мог набожный Платонов пригласить заведовать отделением Пушкинского Дома еврея Коплана, то получил ответ: "Какой он еврей: женат на дочери покойного академика Шахматова и великим постом в церкви в стихаре читает на клиросе". После этого Коплан получил пять лет концлагеря!»¹¹⁵.

28 января 1930 были арестованы еще два академика — Е.В. Тарле и Н.П. Лихачев.

Тарле не любил открывать эти страницы своей биографии, но известно, что он винил в своих злоключениях Покровского, который испытывал к Тарле личную неприязнь. Покровский давно обвинял его в антимарксизме, антантофильстве, пропаганде русского империализма. В феврале 1928 он писал Бухарину по поводу одного из выступлений Тарле на историческую тему: «Надо бы его смазать хорошенько, чтобы он восчувствовал, что его не выслали из СССР не за его добродетели, а по неизреченной милости Советской вла-

¹¹³ Условия содержания С.Ф. Платонова в тюрьме описаны по воспоминаниям Сигриста, а также по устному сообщению внучки Платонова — Н.Н. Федоровой (1978).

¹¹⁴ Устное сообщение А.Б.

¹¹⁵ Ростов А. Указ. соч. С.475-476.

сти»¹¹⁶. На «западном участке исторического фронта» (так выражались!) Тарле считался противником номер один. Тарле как кандидат в кресло будущего министра иностранных дел — это был столь заманчивый эпизод, что, похоже, за право вставить его в свой спектакль чекисты-москвичи спорили с ленинградцами. Во всяком случае, в «деле Промпартии» имя Тарле звучало многократно. Тарле допрашивался и давал собственноручные показания свыше 70 раз. Некоторые его рукописи были похожи на научные работы. Н.П. Анциферова поразил тон и стиль этих показаний, где разбиралась деятельность разных журналов, организаций, издательств с точки зрения их вреда для линии ВКП(б). Свое участие во «Всенародном союзе борьбы» Тарле вначале отрицал, затем то «признавался», то отказывался от своих показаний.

Н.П. Лихачев был не только крупный историк, но также один из крупнейших русских собирателей и искусствоведов. Его коллекция икон, поднесенная царю, составила, вместе с собранием Академии художеств, Иконную палату Русского музея. Многообразные памятники письменности, собранные им по всей Европе, а также в России и в странах Востока, были подарены Лихачевым Академии наук и превратились в Институт книги, документа и письма. Лихачев был крупнейший специалист, кажется, по всем вспомогательным историческим дисциплинам: палеография, сфрагистика, генеалогия, филогранология, нумизматика, археография, источниковедение, дипломатика... От него в тюрьме добились немногого: что до революции был членом правой организации «Русское Собрание», но после 17-го года занимался одной лишь научной работой.

В марте 1930 «Социалистический вестник», а за ним другие эмигрантские издания распространили слух, что показательный процесс академика Платонова в Ленинграде назначен на 11 апреля. Называли председателя суда (Винокуров). Передавали, что Платонов отказался от защитника: будет защищать себя сам¹¹⁷.

Слух кажется нам сомнительным ввиду отказа Платонова сотрудничать со следствием, хотя не исключено, что в Ленинграде готовы были выпустить спектакль, где главный обвиняемый не признает своей вины, но изобличается показаниями других. Надо сказать, что весной и летом 1930 развернулось своего рода «соцсоревнование» между ленинградскими чекистами, ставившими «дело АН», и московскими, взявшимися за «дело Промпартии». Москвичи — главным образом, благодаря вдохновенному исполнителю Л.К. Рам-

¹¹⁶ ААН. Ф.1759. Оп.4 Д.11. Л.1. (Письмо от 10 февраля 1928, оригинал: видимо, не отправлено).

¹¹⁷ Сегодня. Рига. 1930. 5, 6 марта.

зину — явно вырвались вперед и уверенно готовили свою ноябрьско-декабрьскую «премьеру»¹¹⁸.

Ленинградцы, однако, старались не ударить в грязь лицом, и, возобновив аресты, загребли новые слои. Привезли из Соловецкого лагеря В.Н. Бенешевича, протоиерея Михаила Митроцкого и разных других лиц, осужденных в Ленинграде в предыдущие годы. Бенешевич был посажен в полутемный подвальный карцер и, готовясь к худшему, написал на стене карандашом: «Здесь сидел до смерти проф. Бенешевич»¹¹⁹. Были арестованы его брат и жена (дочь почетного академика Ф.Ф. Зелинского, уехавшего в Польшу). Арест этот был далеко не первым в жизни Бенешевича, — и он написал под диктовку «признание» о своих переговорах с римским папой во время последней научной командировки в Рим. Будто бы папа обещал поддержать заговор Платонова, если православные примут унию. Бенешевич оговорил протоиереев Н.К. Чукова (он должен был, по «свидетельству» Бенешевича, стать кардиналом Московским и Крутицким) и Н.В. Чепурина (кардиналом Ленинградским и Ладозским). Кроме них, были арестованы о.Павел Аникиев (настоятель церкви при Женском педагогическом институте, духовник семьи Платоновых; взят 5 мая), о.Павел Митроцкий, иеромонах И.П. Астанин (в монашестве Игнатий), пастор А.Ф. Фришфельд и т.д.

Весною в ДПЗ появились военный историк Г.С. Габаев, работавший после 1917 по музейному делу, бывший полковник (арестован в Курске, где жил «в минусе»), и взятый из ссылки военный юрист С.С. Абрамович-Барановский, бывший генерал-майор. Этим завершился подбор участников «военной секции» «заговора», начавшийся с ареста Измайлова, который в ранней молодости был офицером лейб-гвардии Измайловского полка. На протяжении зимы 1929-30 были взяты бывшие военные, в основном гвардейские офицеры: А.А. Петров (из Бюро АН по международному книгообмену), П.И. Зиссерман (из ПД), Ю.А. Вержбицкий (из Книгохранилища АН), Г.П. Соколов (из военной библиотеки), А.Ф. Малов (из АК), П.А. Купрянов, В.Ф. Пузинский (из Главархива, бывший полковник), А.В. Бо-

¹¹¹ Аресты в Москве, произведенные в 1928 сразу после Шахтинского процесса, захватили работников НКПС. Главных обвиняемых, Н.К. фон Мекка и А.Ф. Величко, не удалось, однако, подготовить к открытому процессу, и они расстреляны весной 1929; приговоры по «делу о вредительстве на транспорте» вынесены закрытым порядком. Аналогично получилось тогда же и в Ленинграде с «делом о вредительстве в золотоплатиновой промышленности» (П.И. Пальчинский и др.). Решающие аресты в Москве прошли весной-летом 1930: А.А. Федотов, В.А. Ларичев, С.А. Хренников, Н.Ф. Чарновский, И.А. Калинин, Л.К. Рамзин. Последний взят в середине августа (чуть позже «московской секции» «Всенародного союза»), в сентябре уже давал обширные показания, а 11 ноября 1930 в «Известиях» напечатано обвинительное заключение по «делу Промпартии».

¹¹² Ростов А. Указ. соч. С.476.

родин (из БАН, бывший подполковник). По «сценарию», «военную секцию» организовал Измайлов. Тот примерно до мая своей вины не признавал, затем сдался; его нужные следствию показания подтвердил Петров.

Из воспоминаний Г.С. Габаева (1945 г.): «6 марта 1930 г. я был вновь арестован и через месяц по этапу доставлен в Ленинград и помещен в один из двойников ДПЗ. Я пробыл без допроса полгода, совершенно недоумевая, за что я арестован. Чувствуя сильное ухудшение здоровья и ослабление памяти, я подал просьбу об ускорении допроса. 13 сентября я был вызван следователем Алдошиным, от которого узнал, что я арестован по делу академика Платонова и вообще Академии наук. Я указал, что к Академии никакого отношения не имею, с Платоновым же личного знакомства не имел, я знал его только по службе под его начальством в Главархиве в 1918-19 года, что с 1926 г. я убыл из Ленинграда и ни с кем, кроме детей своих, переписки не имел, что легко проверить. На первом допросе мне было предъявлено несколько фантастических обвинений, которые я легко опроверг. На втором допросе через несколько дней Алдошин сказал: "Ведь вы намечались на должность военного министра в правительстве Платонова". Я ответил, что никак не могу этому поверить и никогда не принял бы такой должности, т.к. совершенно к ней не подготовлен, к тому же не генштабист, не экономист и не карьерист. На последнем (шестом или седьмом) допросе 18 ноября Алдошин мне сказал: "Да, вы правду говорили, без вас вас женили, но вас называли и Тарле, и Измайлов, и Рождественский". Я ответил, что последних двух вовсе не знаю, а Тарле, хоть и видел на заседаниях в Главархиве, но лично знаком не был и ни разу с ним не говорил. Я просил дать мне очные ставки, но мне было отказано»¹²⁰.

На апрель-июль пришлись основные аресты по «шпионской линии» «дела АН».

Во главе «шпионской сети» «Всенародного союза» разработчики сценария решили поставить востоковеда А.М. Мерварта: он, «состоя в германской секретной службе, лично и через привлеченных им лиц, систематически занимался сбором секретных сведений о политическом, экономическом и военном положении в СССР и передавал их своим шефам Германского Генерального консульства в г. Ленинграде»¹²¹. Вот некоторые из его «агентов»: Т.А. Корвин-Круковская, Г.Г. Гульбин (коллеги Мерварта по работе в МАЭ), Криштафович, Д. Бенешевич, Клер (геологи — владельцы «секретных сведений»), П.П. Бабенчиков (его археологическая карта Гераклеи, с нанесенными на нее пещерами, предназначалась «для передачи гер-

¹²⁰ ОР ГПБ. Ф.1001. Ед. хр.33. Л.55-55 об.

¹²¹ Копия реабилитационного Определения ВК ВС...

манскому генеральному штабу»), Н.М. Окинин (пом. зав. радиоцентром по технической части). Все они «в разное время были привлечены Мервартом к шпионской деятельности и по его заданию за определенную плату собирали и передавали интересовавшие его сведения, заведомо зная, что они будут использованы во вред СССР»¹²². Сюда же подверстана была и жена Мерварта, арестованная, выпущенная и вновь водворенная в ДПЗ. В письмах Мерварта к ней от 11 и 23 июля 1930 он склонял ее дать угодные следствию показания, писал, что за это им обещано немедленное освобождение¹²³. Несомненно, Мерварт испытал тяжелое давление Жупахина и его подручных. Жена его на прогулках еле двигалась по тюремному двору и, жестикулируя, говорила сама с собой. Она и в лагерь поехала тяжело больной. А Бабенчиков подписал свой протокол, видимо, уже в состоянии глубокой душевной депрессии. В камере всюду — на потолке, в окнах и за стенами — ему мерещились враги.

«Сценаристам» не откажешь в логике выбора «резидента»: вся биография Мерварта работала на них. Уроженец Мангейма, немец по рождению, Густав-Герман Мерварт принял присягу на подданство России в 1912 году. В русских документах его именовали и Германом Христиановичем, и Густавом Христиановичем. Перейдя в православие, он еще раз сменил имя: стал Александром Михайловичем, по крестному отцу. В 1914-24 гг. Мерварты — в затянувшейся командировке от АН (этнографическая экспедиция в Индию, затем вынужденная задержка на Дальнем Востоке, включая Харбин). Перед той поездкой, готовясь к ней, они объехали Европу. Съездили за рубеж в 1927, посетили в Голландии родителей Мерварта. Круг связей Мерварта необычен, занимается он, единственный в стране, дравидологией, преподает в университете и в Институте живых восточных языков, заведует Отделом Индии и Индонезии в МАЭ (Музее антропологии и этнографии)¹²⁴.

Удачно смотрится «шпионская деятельность» группы Мерварта рядом с «немецкими делами», организованными в Ленинграде в

¹²² Копия реабилитационного Определения ВК ВС...

¹²³ Там же.

¹²⁴ Насчет даты ареста Мерварта есть две версии, и обе документированы. В пользу 13 января 1930 свидетельствуют реабилитационное Определение ВК ВС и записка-сообщение директора МАЭ в Президиум АН от 14 января 1930 («по дошедшим до меня сведениям», имя рек «в ночь с 13-го на 14-е сего января арестован» (ААН. Ф.4. Оп.4. Д. 1040. Л.78). Но вот справка из МАЭ: этнограф Мерварт «не является на службу (вследствие ареста) с 14 декабря 1929 г.». Эта дата подкрепляется финансовым документом о прекращении выдачи ему зарплаты и служебной запиской об увольнении Мерварта. В обеих бумажках — ссылка на истекшие два месяца с момента взятия под стражу, что и служило законным основанием действия. (Там же. Л.73, 79-80). Возможно, обе даты справедливы: имел место повторный арест. По «делу АН» известно не менее десятка подобных случаев.

том же тридцатом году (арестами оборваны встречи в Анне-шуле старых выпускников немецких школ города, разгромлены последние немецкие культурные и научные общества). По «немецкой» линии академического дела сел, видимо, профессор ЛГУ А.Г. Вульфус (19 апреля). Да и вообще, среди арестованных по «делу АН» немало лиц с немецкими фамилиями: Виттенбург, Грюнвальд, Либталь, Шольц, Фришфельд, Штакельберг и т.д. С сыном вместе взят профессор-педиатр Э.Б. Фурман, оговоренный Мервартом.

Летом 1930 следовательская бригада всюю раскручивает краеведческий сюжет «сценария». Трудно, опять-таки, отгадать, кто главный автор этой блестящей идеи — вплести в «дело» всероссийскую организацию краеведов и тем придать ему художественную завершенность и размах. Стромин, мы знаем, много занимался «режиссурой» краеведческих сцен.

Краеведов, экскурсионных и музейных работников ГПУ хватало и в 1929, и в 1928, и даже в 1927-м. Тогдашние аресты били по Ленинграду, по его музеям (страдающим от распродаж), по пригородным дворцам (отдаваемым Бог весть каким организациям). Весной и летом 1930 удар обрушился на главные нервные узлы краеведения и одновременно на массу практических работников и в столицах, и на периферии. Были арестованы ученый секретарь ЦБК Д.О. Святский, ведущий графовед страны Н.П. Анциферов (взят в Соловках), глава исторического краеведения в Москве С.В. Бахрушин, краеведы Бабенчиков (Севастополь), В.И. Смирнов (Кострома), М.И. Смирнов (Переяславль), Г.Э. Петри (Ленинград). Б.Ф. Чирсков (Детское Село) и многие-многие другие, которых мы с равным основанием могли бы включить в списки пострадавших историков, или «националов», или «религиозников», или «бывших» (в краеведческом движении были представлены они все).

Из воспоминаний Н.П. Анциферова: «Дня через три меня вызвали на допрос. В комнате следователя сидел тот же Стромин. Его круглая, плоская физиономия вежливо улыбалась. Он начал: "Прежде всего я должен выразить свое глубокое сочувствие постигнутому вас горю. Надеюсь, что вы не вините нас в смерти жены". Он помолчал. "Поверьте, я вызвал вас из Соловков не для того, чтобы усугубить ваше тяжелое положение, а для того, чтобы его облегчить. А это будет зависеть всецело от вас". — "Что же вы хотите от меня?" — "Вы должны помочь нам разобраться в деятельности ЦБК. Нами раскрыта подпольная контрреволюционная организация. ЦБК сделалось одним из орудий ее деятельности. Я окажу вам полное доверие и ознакомлю с интересными для вас документами". Он достал объемистую рукопись. "Вот показания академика Тарле".»¹²³

¹²³ Анциферов Н.П. Указ. соч. С.86 (в «Звезде» — С. 133).

Замысел был — представить Центральное бюро краеведения как информационно-организационный центр «Всенародного союза борьбы», периферийные краеведческие общества — как филиалы «контрреволюционной организации» на местах, поездки краеведов — как связующие «цепочки». Стромин выжимал из своих подследственных «признания» в этом ключе.

«Наконец Стромин решил, что дал мне достаточно времени для обдумывания своего положения, и вызвал меня для продолжения допроса. Он попросил меня рассказать о заседаниях президиума ЦБК. Едва я начал, как он прервал меня: "Неужели вы думаете, что нас могут интересовать эти ваши легальные заседания в Мраморном дворце? Вы должны рассказать мне о *тайных* совещаниях на частных квартирах". — "О таких собраниях я ничего не знаю". — "Так ли? А вот, припомните", — и он показал мне протокол, составленный по всем правилам секретарского искусства. Дата. Имена присутствующих. Речи выступавших. Среди имен были: С.Ф. Ольденбург, А.Е. Ферсман, Н.Я. Марр, И.М. Гревс, Семенов-Тянь-Шанский, Анциферов. Ольденбург сообщал о восстаниях на Дону, в Новгородской области и где-то еще. И ставил вопрос, что делать краеведским организациям в случае свержения на местах советской власти. Затем Стромин прочел мою речь. В "протоколе" было записано, что я предложил, чтобы во избежание анархии краеведческие организации брали власть в свои руки. "Что же? Вспомнили?" — спросил Стромин. Я возмутился: "Не мог же я предлагать такую нелепость. Краеведы обычно люди пожилые, совершенно непрактичные, разве они способны справиться с анархией?!" — "Значит, этот протокол вас не убеждает?" — "Вам лучше известно происхождение подобного протокола!" Стромин мрачно молчал. Потом изрек: "Я вынужден применить к вам другие меры. Вам придется изменить тактику"»¹²⁶.

Неожиданный, рядом с предыдущим, пласт «загремевших» — геологи. После шахтинского процесса их уже брали в Ленинграде и, дав срок, везли в районы Севера, «подшефные» ленинградскому ГПУ. Так, Н.Н. Тиханович сделался старшим геологом Ухтпечлага, И.И. Гинзбург занялся природными радиоактивными водами под Ухтой, В.К. Котульский (чуть позже) — проблемой никеля в Мончегундре. В «академический» набор 1930 года, попали: преподаватель Горного Д.Н. Бенешевич, проф. ЛГУ П.В. Виттенбург, старший геолог Угольного геологоразведочного института А.Н. Криштафович, помощник Ферсмана по Минералогическому музею В.И. Крыжановский, проф. Свердловского горного М.О. Клер (аресты в этой категории — с конца февраля по июль). Их набрали в основном по «шпионскому» поводу. В самом деле, кому не очевидна связь с заграницей

¹²⁶ Анциферов Н.П. Указ. соч. С.87-88 (в «Звезде» — С. 134).

Пауля-Людвига (Павла Владимировича) фон Виттенбурга, что недавно выпустил совместную книгу с французом-географом? А бывший швейцарский подданный Клер! Бенешевич, брат которого виделся с римским папою! Криштафович, объехавший в 1909-23 всю Европу, Китай, Египет, трижды побывавший в Японии, проработавший год на Филиппинах в американской экспедиции, переписывающийся со всем светом! Только Крыжановского взяли, видно, с другой установкой — просто в порядке очередного подкопа под Ферсмана. Опять, как и в случае и Линденером, обещали свободу за показания против Ферсмана, опять просчитались.

В этой серии арестов ощущаешь не только шпиономанский соц-казак, но и конкретный, срочный заказ ГУЛАГа. Подзадержав для подверстки к «главарям» Криштафовича, Клера и Бенешевича, пропустят прочих через ранние приговоры и спешно отправят вкалывать по специальности: угольщика Полевого — старшим геологом на Воркуту, полярного геолога Виттенбурга — в Вайгачскую экспедицию ОГПУ. (С дальним корыстным прицелом забирают, рискну предположить, и машинисток — уже упоминавшуюся Н.П. Дурново, Т.И. Блумберг-Коган (из Выборгского райкома партии), Т.А. Корвин-Круковскую (вычищенная из МАЭ, она служила машинисткой в нижегородском «Кожсиндикате»). Чекистов легко понять: в дальних краях люди для делопроизводства им ох как нужны. И точно: Дурново на Соловках как раз и была машинисткой.)

8 августа в Москве арестовали академика М.К. Любавского (проф. МГУ, консультант Центрархива), трех членов-корреспондентов, работавших в крупных библиотеках (Ю.В. Готье, Д.Н. Егоров, А.И. Яковлев), и проф. Бахрушина (обвинение печати: уходил в областную историю с целью «не отвечать на основные вопросы современности»). Примерно тогда же (точней не знаем) взяты еще два члена-корреспондента (С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский), И.А. Голубцов, много молодежи, в том числе будущий-академик Л.В. Черепнин. Вся эта группа московских историков «причастна» к «московской секции» «заговора», наиболее видные члены «секции» привезены в ЛенДПЗ. «Руководство секцией» согласился взять на себя Готье, на уступки следствию пошел «разоружившийся» Бахрушин, под давлением Жупахина на предварительном следствии оговорил себя и других Любавский, потом отказавшийся от своих показаний. Из ленинградских историков в это время взят М.Д. Приселков (13 августа).

14 сентября в Минске в числе «нацдемовцев» был арестован действительный член АН БССР историк В.И. Пичета, затем тоже препровожденный в Ленинград. 6 декабря он «как враг пролетарской диктатуры» еще до окончания следствия исключен из числа академиков решением СНК Белоруссии.

Последняя волна арестов прокатилась в ноябре 1930 (А.А. Бялыницкий-Бируля, Б.М. Энгельгардт, Н.А. Пыпин, А.А. Достоевский, П.А. Садилов); отдельные аресты по «делу АН» происходили и позже. В январе 1931, после процесса «Промпартии», следствие было, наконец, закончено, проект приговора послан на утверждение (в Политбюро?), а большинство обвиняемых переведено в Кресты и размешено по четыре человека в одиночных камерах.

Много примечательного случилось в Академии за время «дела АН».

Закончилась выборная кампания 1929-30. Надо было заполнить освободившиеся за смертью академиков пять кафедр. Порядок отбора не меняли, и все шло своим чередом, как вдруг с 16 октября 1929 встречам двух половин отборочной комиссии стали мешать странные обстоятельства: то «представители республик» неожиданно для академиков отправляются вместо заседания на Острова и в Эрмитаж, то Воронов срочно едет отдохнуть на юг. Луппол и Волгин (точно как в 1928-м!) посетили Платонова с заявлением: если хоть один из намеченных Москвой кандидатов не будет отобран, а затем и избран — откажутся они все. Академики уговорились собраться у Карпинского, чтоб обсудить сей ультиматум, но тут вернулся из Москвы со своей чрезвычайной комиссией Фигатнер. А утром 21-го, как помним, началась история с комнатой №14 — и выборные дела остановились.

В конце января, через 10 дней после ареста Платонова и буквально накануне заседаний избирательных комиссий, появились статьи о некоторых кандидатах: о «типично буржуазном и притом реакционном» историке Д.Н. Егорове, «реакционере на историческом фронте» С.Б. Веселовском, об М.В. Довнар-Запольском, «общественное лицо которого не внушает особого доверия»¹²⁷. Все они претендовали на кафедру, которую ранее занимал М.М. Богословский, и противостояли кандидатуре В.П. Волгина. На другой день комиссии отобрали: у историков — Волгина, у химиков — Писаржевского, у литературоведов (на место умершего Фриче) — Луначарского (с ним конкурировали Переверзев и Шишмарев, но Луначарский единогласно признан «наидостойнейшим»). В стремительнейшем темпе — и в дни, непосредственно следовавшие за арестом теперь уже Тарле и Лихачева — отобранную тройку пропустили через утверждение в отделениях и (днем позже) в Общем собрании. Все заняло неделю. Два месяца спустя Волгин стал непрременным секретарем АН.

Но были еще две кафедры, на которые «пролетарская общественность» требовала пропустить «ученых, политически и идеологи-

¹²⁷ Лен. правда. 1930. 24, 26 января.

чески близких пролетариату»¹²⁸: языковая (после А.И. Соболевского) и биологическая (после П.П. Сушкина). На первую достойнейшими кандидатами были Н.Н. Дурново и Л.В. Шерба, вторую по справедливости должен был занять Н.К. Кольцов¹²⁹. Все было сказано академиком про этих лиц: «общественными организациями» все трое признаны «недостойными избрания в действительные члены Академии, как недостаточно отметившие себя в современной науке и советской общественности»¹³⁰; «Н.К. Кольцов вовсе не крупный, а только модный и популярный в известных кругах ученых», «ждать от него воспитания здоровой пролетарской смены или думать, что он может еще что-то дать по существу для нашей советской науки и социалистического строительства, — это дело совершенно безнадежное»¹³¹. Академики, несмотря на все сопутствовавшие обстоятельства, не захотели проштамповать продиктованное решение — пришлось их мнение перечеркнуть и избрание на две кафедры «отложить до следующих выборов»¹³². (В выборную кампанию 1930-31, как и далее до конца жизни, Кольцов опять в «полные академики» не пошел, остался «половинным академиком»¹³³; а у языковедов одержал победу деятель СНР Н.С. Державин; зато у историков опять вышел скандал с забаллотированным Ф.А. Ротштейном¹³⁴).

Несмотря на то, что в конце 1929 специальным постановлением невозвращенцы были объявлены вне закона, причем для лиц, уже находившихся за рубежом, было прибавлено, что постановление будет

¹²⁸ Лен. правда. 1930. 26 января.

¹²⁹ Н.К. Кольцов давно был оценен в своем отечестве как крупнейший биолог. АН впервые предложила ему баллотироваться в действительные члены еще в 1915, но тогда К. попросил снять свою кандидатуру, т.к. в случае избрания должен был покинуть Москву и перебраться в Петроград. Устав 1927 такого требования уже не предъявлял, и независимая научная общественность настойчиво выдвигала кандидатуру К. Московское общество испытателей природы, во главе со своим президентом акад. Мензбиром 25 мая 1929 собралось на чрезвычайное заседание, чтобы подтвердить, что Общество остается при прежнем своем мнении и, как и год назад, представляет АН для баллотировки одну кандидатуру по отделу биологии — К. (ААН. Ф.2. Оп.1-1929. Д.76. Л.14).

¹³⁰ ААН. Ф.2. Оп.1-1930. Д.51. Л.319.

¹³¹ Лен. правда. 1930. 26 января.

¹³² Прием откладывания дела в долгий ящик на этот раз был также использован по отношению к Ф.И. Шмиту и Д.Н. Егорову: кандидатуры их «рассмотрением отложены впредь до выяснения вопроса о византийской кафедре» (ААН. Ф.2. Оп.1-1930. Д.51. Л.319). Прием отработан еще в выборную кампанию 1928-29 на историке искусства Д.В. Айналове, этнографе Д.К. Зеленине, географе В.П. Семенове-Тян-Шанском и ряде других кандидатов.

¹³³ Перед обсуждением в комиссии, 29 октября 1930, зав. делопроизводством АН М. Комарович письменно запросил непрямого секретаря, считать ли действительными прошлгодние (отложенные) заявки по биологической кафедре, — В.П. Волгин ответил резолюцией: «Нет» (ААН. Ф.2. Оп.1-1930. Д.51. Л.319).

¹³⁴ Ф.А. Ротштейн был провален при голосовании в Отделении общественных наук АН семью голосами «против». Впоследствии, в 1939, он все же стал академиком.

иметь обратную силу, — несмотря на это, появились новые эмигранты. Академик В.Н. Ипатьев, уже с 1927 деливший примерно поровну свою жизнь между СССР и Германией, в 1930 г. принял приглашение на работу в США. Он нашел за океаном такие льготные условия для работы, каких не могла ему даже пообещать АН СССР: великолепную оборудованную лабораторию, право приходить на работу когда угодно и, если нужно, по неделям отдыхать, право самому выбирать научные проблемы для разработки. Одновременно с ним остался на Западе другой академик-химик — А.Е. Чичибабин. Во Франции он был избавлен от траты сил на преодоление всяких «бесполезных сопротивлений», возникших в СССР на каждом шагу, и смог продолжить научную работу при полном душевном спокойствии (это, пожалуй, было главным, чего он искал) и по своей инициативе, хотя и без большой материальной поддержки. Ипатьев и Чичибабин не теряли надежды вернуться на родину, а их коллега академик Я.В. Успенский (математик) поступил решительнее. Уехав в полугодичную командировку в США (в предыдущую поездку он там женился), Успенский в октябре 1929 прислал письмо с просьбой считать его выбывшим из академиков и назначить выборы на освободившуюся кафедру. АН продлила Успенскому командировку, однако тот ответил на это категорично: «Я не возбуждал ходатайства о продлении срока моей командировки, но просил считать меня выбывшим из состава Академии»¹³⁵. Общему собранию АН не оставалось ничего другого, как удовлетворить это желание (29 ноября 1930).

В АН резко расширилась зона секретности (часть переписки Президиума и ранее шла под грифом «Не подлежит оглашению»). Почти сразу за событиями в 14-й комнате учредилась Секретная часть Управления делами АН СССР. В ноябре 1929 туда, в частности, была передана изрядная доля официальной переписки АН за предшествующее время, материалы Комиссии по вопросу о Константинопольском археологическом институте (думали восстановить дореволюционную научную базу в Константинополе), материалы Комиссии по Кольскому полуострову (тут вопрос: по военно-стратегическим соображениям или же потому, что обширные районы полуострова отошли под власть ГУЛАГа?). «Налаживал» это дело С.С. Федотов, заведовавший Секретной частью с декабря 1929 по март 1930.

Спешно, за месяц с небольшим (февраль-апрель 1930), разработали новый Устав и утвердили его. Ввели в текст устава и «материалистическое мировоззрение» (§2, п.4) и «социалистическую реконструкцию» (§2, п.5)¹³⁶. Отбросили трехлетней давности формулировку параграфа об исключении из АН: «Действительный член Акаде-

¹³⁵ ААН. Ф.2. Оп.И. Д. 144. Л.80.

¹³⁶ Уставы... С.130.

мии наук лишается своего звания, если он не выполняет обязанностей, налагаемых на него этим званием, или если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР» (§22)¹³⁷. Отныне не предусматривалось исключать за невыполнение обязанностей академика. Не требовалась теперь для исключения «явная» вредоносность — достаточно стало неявной (недоказанной). Главное же — пришла пора перешагнуть через ту неопределенную безличность, которая вызвала в свое время реплику А.Н. Крылова по поводу §22: «Какой же порядок этого лишения? Кто и как устанавливает злокозненность действ[ительного] чл[ена] Академии и т.д. или вообще для этого достаточно, напр[имер], письма Н[епременного] секр[етаря] в ГПУ?»¹³⁸. Комиссия под председательством В.П. Волгина выработала и провела новую формулировку: «Действительные члены, почетные члены и члены-корреспонденты Академии наук лишаются своего звания постановлением Общего собрания, если их деятельность направлена во вред Союзу ССР» (§19 Устава 1930 г.)¹³⁹. Голосуя за эту формулировку (трое академиков уже сидят!), академики, может быть, надеялись остаться хозяевами положения. На деле вышло прямо противоположное. Академики — все до единого — делались теперь соучастниками репрессий.

Первым и срочным испытанием их моральной капитуляции стало «дело Платонова»: прежде чем карающие инстанции вынесут свой приговор, академики должны его заранее санкционировать. Еще не осужденных — предать.

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ОБЩЕГО СОБРАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР*

2 февраля 1931 г.

Президиум: Президент Академии наук СССР А.П. Карпинский
Вице-президент Г.М. Кржижановский
Непременный секретарь В.П. Волгин

Председатель (В.П. Волгин. — Г.С.): Товарищи, позвольте объявить чрезвычайное Общее Собрание Академии наук открытым.

Товарищи, получившие приглашение на торжественное заседание, должны удалиться, так как настоящее заседание не есть торжественное заседание.

Всем вам, конечно, известно, что из числа действительных членов Академии наук пять человек находятся в течение дово-

¹³⁷ Уставы... С.123.

¹³⁸ ААН. Ф.459. Оп.4. Д.68. Л. 19 об. (Письмо к П.П. Лазареву от 17 сентября 1927).

¹³⁹ Уставы... С.133.

* Публикация Г.А. Савиной.

льно длительного времени под стражей, из них трое находятся под стражей уже больше года.

Президиум Академии наук еще до декабрьской сессии (1930 г.) пришел к заключению, что для Академии создается положение совершенно недопустимое. С одной стороны — Академия, которая стремится стать живым научным органом социалистического строительства, с другой стороны, — Академия терпит в своей среде лиц, которые очевидным образом задержаны по какому-то весьма серьезному обвинению политического характера. Это нечто внутри противоречивое.

Президиум Академии наук обратился в декабре в высшие правительственные органы через Ученый Комитет ЦИК Союза, которому он подведомствен, со следующим отношением:

«Академия наук СССР считает необходимым... » [читает]¹⁴⁰.

В настоящее время я как непрременный секретарь Академии наук получил совершенно официальное сообщение, имеющее отношение к четырем из вышеперечисленных лиц, т.е. к академикам Платонову, Тарле, Лихачеву и Любавскому. Это сообщение гласит, что четыре перечисленных мною академика арестованы по обвинению в контрреволюционной деятельности, в организации контрреволюционного заговора, поставившего себе целью низвержение существующего советского строя и восстановление конституционно-монархического образа правления, что материал доказывает с совершенно неопровержимой убедительностью факт их реального участия в этом заговоре и что, наконец, они сами подтвердили это участие собственным признанием.

Так обстоит дело, товарищи.

Вы припомните, что один из параграфов нашего Устава обязывает нас вывести из своего состава тех членов Академии наук, которые проявляют деятельность, явно идущую во вред СССР.

Для меня не подлежит никакому сомнению, что тот случай, о котором я только что вам сообщил, вполне соответствует §19 Устава Академии наук. На основании этого параграфа я и предлагаю Общему Собранию Академии наук исключить академиков Платонова, Тарле, Лихачева и Любавского из своего состава.

Предлагаю тем, кто желает высказаться по поставленному мною вопросу, взять слово.

Президент А.П. Карпинский: Надо сказать, что этот параграф был включен без ведома Академии, он был включен прямо Правительством в наш Устав. В других академиях ничего подоб-

¹⁴⁰ Текста запроса Президиума АН СССР в Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР и ответа Ученого Комитета обнаружить не удалось.

ного не существует. Везде Академия соединяет в себе лиц всевозможных религий, всевозможных настроений и различие мнений никогда не служило причиной задержки того, для чего Академия наук вообще предназначена, а именно: для выяснения научных истин. Только истина и является тем предметом, которым ученые большие и маленькие занимаются и [которому] подчиняются. Мнения ученых могут быть совершенно различными, но, конечно, они не должны приводить к какому-то действию. Должна быть полная свобода мнений и возможность высказывать их всенародно. Если некоторые предполагают, что вместо того правления, которое у нас существует, вместо Республики (впрочем у нас настоящей Республики тоже нет), наше управление подчинено известной партии, то это вовсе не вызывает необходимости исключения [из Академии наук], потому что в противном случае мы будем представлять [собой] единственное в своем роде учреждение. Я об этом жалею, потому что масса всех других академиком стоит на совершенно законной почве. Те академики, я знаю, что они подвергались ударам в свое время за свою революционную деятельность. Например, Тарле. Его посылали во Францию, для того, чтобы он как историк Великой Французской революции там высказал свой взгляд на развитие Великой Французской революции. Его там чествовали как хорошего историка Французской революции — одной из великих революций, какие только были. Так что я, в сущности, жалею, что такое постановление было введено Правительством в наш Устав, которому мы должны подчиниться.

Председатель: Я не собираюсь говорить по всей линии аргументации Александра Петровича по существу, но я позволю себе выразить сомнение по поводу того, что действительно §19 Устава был внесен без ведома Академии какой-либо правительственной инстанцией. §19 Устава, по-моему, составляет организационную часть того Положения Академии наук, которое было разработано особой комиссией, выбранной [Общим] Собранием, и которое прошло через соответственные органы, будучи утвержденным Общим Собранием.

Президент А.П. Карпинский: Ну конечно, потому что Правительство раньше этот параграф уже включило.

Председатель: Я не могу судить о мотивах действия комиссии, которая составляла этот Устав, но сказать, что пункт навязан комиссии — этого сказать никак нельзя.

Президент А.П. Карпинский: Здесь слово «навязан» неуместно.

Председатель: Но на основании Ваших слов, Александр Петрович, может создаться такое впечатление, что в проекте Уста-

ва, принятого Общим Собранием, этого пункта не было, а потом Ученый Комитет ЦИК'а этот параграф включил.

Президент А.П. Карпинский: Дело обстоит, конечно, не так. Он был прибавлен раньше Правительством.

Председатель: Он был прибавлен нами самими, а не какой-либо вышестоящей организацией.

Президент А.П. Карпинский: Понятно, если кто-нибудь участвует в каком-нибудь заговоре, то он не может оставаться в Академии, но я ничего о заговоре не знаю.

Председатель: Повторяю, что я хочу подчеркнуть, что рассуждения относительно тех или иных мнений не имеют отношения к данному делу. Я совершенно убежден, что среди [членов] Академии наук имеются лица разных мнений и на основании этих мнений мы еще не ставили вопроса о выведении того или иного лица из состава Академии. В данном случае я как непреременный секретарь уполномочен совершенно официально заявить, что речь идет не о тех или иных мнениях, а об организации заговора, об организации инициативной группы, в которой принимали участие означенные действительные члены Академии наук.

Слово имеет Андрей Дмитриевич Архангельский.

Академик А.Д. Архангельский: Мне хотелось бы только продолжить ту справку, которую сейчас дал Александр Петрович.

Мне, Александр Петрович, приходилось участвовать в выработке Устава здесь, внутри Академии, в соответствующей подготовительной комиссии, затем мне пришлось участвовать и в том Общем Собрании, которое принимало Устав. Я должен совершенно определенно заявить, что §19 выработан нами в начале работы комиссии, что затем этот параграф был принят Общим Собранием Академии наук и что решительно никто этого параграфа нам не вставлял извне. Причем, насколько я помню, на Общем Собрании, когда принимался Устав, не было решительно ни одного слова против этого параграфа. Очевидно, было совершенно ясно, для чего вводится этот параграф; было совершенно ясно, что соответствующая деятельность абсолютно не может соответствовать общей деятельности Академии наук и таким лицам не место в ее рядах. Это мы все тогда же знали. Совершенно так же, как мы приняли §2 (и приняли его на Общем Собрании), совершенно так же мы приняли и §19.

Я хотел бы подчеркнуть, что никаких ссылок на навязывание этих двух мест в нашем Уставе быть не может, а раз так, то совершенно естественно мы должны сделать вывод, который вытекает из нашего же постановления.

Председатель: Желает еще кто-нибудь высказаться?

(Желающих нет).

Тогда позвольте поставить вопрос на голосование в такой форме: кто против того, чтобы перечисленных мною членов из состава Академии исключить?

Президент А.П. Карпинский: Дело в том, что [если] это вытекает прямо из этого пункта, то нужно было бы не путем баллотировки, а путем простого исполнения решать [вопрос], если доказано, что они замешаны в контрреволюционной организации, но я повторяю, что я этого не знаю.

Председатель: Александр Петрович, простите меня, но дело обстоит таким образом, что действительные члены Академии наук согласно пункта Устава лишаются своего звания постановлением Общего Собрания, если их деятельность направлена во вред Союзу. Поэтому я обязан поставить вопрос на голосование.

Академик А.Н. Крылов: А в Уставе 1927 г. этот параграф был под номером 22.

Председатель: Позвольте спросить все же, кто против моего предложения? (Нет). Воздержались? (Нет). Позвольте считать, что решение Общего Собрания принято единогласно.

Позвольте объявить наше чрезвычайное Общее Собрание закрытым¹⁴¹.

Первая серия приговоров была вынесена 10 февраля 1931 Тройкой ОГПУ при Ленинградском военном округе. Расстрел с заменой 10 годами получил П.В. Виттенбург, концлагерь на 10 лет — Ф.И. Покровский, Ф.А. Мартинсон, С.П. Розанов, Э.Э. Шольц, Б.М. Энгельгардт, Н.А. Пыпин, М.Д. Приселков, П.Г. Васенко, В.А. Бутенко, С.И. Тхоржевский, М.А. Шангин, С.К. Богоявленский, М.Э. Либгаль и еще несколько человек. У остальных были сроки от 3 до 8 лет (Бялыницкий-Бируля, к примеру, получил три года, отбывал лекпомом на командировке Сегежа). Вся эта партия приговоренных была отправлена в основном в лагеря Карелии, откуда весной десятилетников перебросили на Соловки. Дочерей Платонова (также с

¹⁴¹ ЦГАОР. Ф.7668. Оп.1. Д.422. Л.1-7. — «Лен. правда» 4 февраля 1931 отреагировала на происшедшее статьей «Контрреволюционная вылазка академика Карпинского» (в связи с этим см.: Память. Вып.4. С.144). Ленинградцы, которые в январе 1929, к моменту больших выборов, составляли четыре пятых академиков и доля которых после каждых выборов и в результате смертей все уменьшалась, именно после исключения четырех академиков окончательно перестали быть большинством в АН. Что же касается процедуры исключения, то будущее принесло еще большее ее упрощение: в апреле 1938 президент В.Л. Комаров предложил Общему собранию список на исключение (21 чел.) и после трех кратчайших безответно-риторических вопросов (угодно ли высказаться? просить ли разъяснения? все ясно?) подытожил: «Тогда разрешите считать, что Общее собрание присоединяется к мнению Президиума и утверждает исключение названных лиц» (ААН. Ф.3. Оп.4. Д.7. Л.98).

десятилетними сроками) перед самой отправкой сняли с этапа и оставили в тюрьме ожидать приговора над отцом.

Вот одна из судеб: проф. В.А. Бутенко. «После его ареста в апреле 1930 г. летом умерла от тифа его приемная дочь, оставив в одиночестве нервнобольную его жену Веру Михайловну. В июне 1931 г. пришли вывозить его имущество. Оставшись в пустой квартире, жена повесилась на гвозде от снятого портрета мужа. Он прибыл на Лей-Губу совершенно больным скоротечным легочным туберкулезом. Я навещал его умирающего в лазарете на Май-Губе и предложил, что фельдшер-священник его причастит. Он ответил, что он — неверующий. Его похоронили за северным семафором станции Май-Губа на арестантском кладбище, которое потом было затоплено Беломорским каналом»¹⁴².

10 мая последовала более суровая серия приговоров. Были расстреляны «участники военного заговора» В.Ф. Пузинский (по «сценарию», намечен был руководить восстанием гвардейских офицеров и унтер-офицеров при приближении интервентов), П.И. Зиссерман, П.А. Купреянов, Ю.А. Вержбицкий. Остальные члены «военной секции», кроме Измайлова и Петрова (чьи приговоры были отложены на потом), получили, как минимум, по 10 лет лагеря. Расстрелян также А.С. Путилов (по «сценарию» — кандидат Платонова на пост директора Департамента полиции). Расстрел с заменой 10 годами получили Г.С. Габаев, В.В. Гельмерсен, С.П. Шестериков, Б.Н. Молас, Я.Я. Майхровский, С.К. Пилкин, А.И. Заозерский, Г.П. Соколов, А.Ф. Малов, о.Михаил Митроцкий; 10 лет — А.В. Бородин, Г.Н. Соколовский, М.Д. Беляев, Я.Н. Ростовцов, С.С. Абрамович-Барановский... Вторая группа была отправлена вослед первой.

8 августа 1931 Коллегия ОГПУ (более высокая инстанция) вынесла приговор главным обвиняемым, а также главным лицам, сотрудничавшим со следствием. Главные обвиняемые были признаны виновными в том, что «в целях свержения Советской власти, реставрации помещичье-капиталистического строя и установления конституционно-монархического образа правления по инициативе Платонова С.Ф. и Богословского М.М. создали контрреволюционную организацию, так называемый "Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России"», «систематически занимались пропагандой, содержащей призыв к свержению Советской власти», «создали специальные военные организации», «через Платонова, Мерварта и др. вступили в преступно-заговорщицкие отношения с германскими националистическими кругами», «через Тарле вступили также в преступные отношения с правящими кругами Франции», «в целях моральной подготовки интервенции [...] через члена "Всенародного

¹⁴² Ростов А. Указ. соч. С.484.

союза" Бенешевича В.Н. вступили в отношения с Ватиканом в лице папы Пия XI и его агентов», «для ускорения интервенции против СССР вступили в секретные заговорщицкие отношения с белоэмигрантами», «систематически собирали секретные сведения», «сообщали их» и т.д.¹⁴³. Сроки дали в основном пятилетние, нескольким — по 3 года. Самые видные осужденные были отправлены в ссылку в разные города: Платонов — в Самару, Тарле — в Алма-Ату, Любавский — в Уфу, Лихачев — в Астрахань, Рождественский — в Томск, Бахрушин — в Семипалатинск, Яковлев — в Минусинск, Егоров — в Ташкент, Пичета — в Вятку, Вульфийус — в Омск и т.д. В большинстве случаев эта группа имела возможность работать в местных учебных заведениях или исследовательских учреждениях, а начиная с 1933 (после смерти Покровского?) они начали возвращаться в главные центры страны, хотя Платонов (в 1933), Любавский (в 1936) так и умерли в ссылке. Сравнительная мягкость приговоров и досрочные возвращения основных обвиняемых по «делу АН» еще много лет помогли чекистам прельщать обманными обещаниями новые поколения подследственных. За время своей ссылки члены-корреспонденты не были исключены из состава АН.

Сотрудничавших со следствием Н.В. Измайлова, В.Н. Бенешевича, А.М. Мерварта, А.А. Петрова и некоторых других отправили в Ухтпечлаг, и лагерные судьбы их с судьбами однодельцев не пересеклись.

В общей сложности примерно половина осужденных по «делу АН» вернулась из лагерей и ссылок (с учетом повторных посадок в конце тридцатых годов, это утверждение, может быть, уже неверно). «Большинство поставило крест над научной работой, не писало бесстыдных статей, жило скромно по ссылке. Мы добывали хлеб уроками языков и случайными заработками. В этом заключался наш подвиг. Так текла жизнь большинства моих однодельцев [...]. Мирно и скромно закончили они свое печальное житие» (С.В. Сигрист)¹⁴⁴.

Лет двенадцать тому назад, на заре коллективной разработки нашей темы, мои друзья и коллеги писали:

«"Дело АН", как мы полагаем, было составной частью гигантского плана, спущенного ОГПУ, согласно которому на открытые процессы 1930-31 должны были быть выведены последовательно все слои русской интеллигенции, точнее, той ее части, которая в течение 1920-х, сотрудничая с новой властью, сохраняла при этом определенную независимость от нее. Процессы "Союзного бюро меньшевиков" (экономисты, плановые работники), "Промпартии" (верхушка инженерии), "ТКП" (агрономы, ученые, связанные с сельским хозяй-

¹⁴³ Копия реабилитационного Определения ВК ВС...

¹⁴⁴ Ростов А. Указ. соч. С.486.

ством), "Академии наук" (гуманитарная интеллигенция столиц и провинции), наконец, процесс священнослужителей — должны были, с одной стороны, показать, по чьей вине срываются темпы индустриализации и коллективизации, с другой — окончательно подчинить и советизировать интеллигенцию. "Вредители" и "интервенционисты", к тому же, должны были по сценарию представить весь спектр дореволюционных политических партий (и тем самым лишний раз их дискредитировать). "Союзное бюро" — меньшевики, "ТКП" — эсеры, "Промпартия" — в основном кадеты, "платоновцы" — монархисты»¹⁴⁵.

План осуществился частично: «Промпартию» судили в декабре 1930, «Союзное бюро» — в марте 1931. Почему же не вывели на открытые процессы остальных?

Это как раз тот случай, когда без материалов главных ведомственных архивов (включая Центральный партийный) не дать надежно-го ответа. Относительно «дела АН» можно задать несколько вопросов-предположений.

Не сработало ли здесь соперничество Москвы и Ленинграда? — Похоже, что показательные (знаковые) процессы именно с этого времени стали исключительной прерогативой Москвы.

Не решено ли было наверху сделать приостановку в разгроме интеллигенции? — Сигрист приводит (без ссылки на источник) слова Калинина одному хлопотавшему об арестованных: «Партия должна была нанести удар Академии, чтобы добиться ее подчинения. Поэтому мы прибегли к арестам», а также высказывание Енукидзе: «Мы своего достигли, господа академики поняли, что с ними не шутят. Теперь понемногу их выпустим, но больше антисоветчины они не разведут!»¹⁴⁶.

Не была ли эта приостановка связана с необходимостью сосредоточить все силы на борьбе с крестьянством? Не основывалась ли она на неблагоприятной информации ГПУ о настроении горожан (чреватом взрывом)? Не нужна ли была она для сохранения контроля над самим ГПУ? Не отражала ли тогдашнее соотношение сил в Политбюро и в ЦК? Или смотрешший в будущее вождь и верное ему ядро партийного аппарата не хотели слишком сильного удара по монархическим настроениям? Или же ленинградское ГПУ поплатилось «несварением желудка» за жадность — всё хватало и хватало по одному делу — и дело чрезмерно разбухло, а тем временем год пролетел и «поезд ушел»?

А, может быть, отказ от громкого процесса был связан с внешнеполитическими соображениями? С некоторой переориентацией

¹⁴⁵ Память. Вып. 4 С. 144. (А.Добкин, А.Рогинский).

¹⁴⁶ Ростов А.. Указ. соч. С.471.

внешней политики, которая произошла за время развития «дела АН»? — Об этом писал В.В. Чернавин, бежавший в 1932 г. на Запад со строительства Беломорканала¹⁴⁷.

Или правы мемуаристы, видевшие в мужестве арестованных главную помеху открытому процессу? — «Мы, представители "гнилой интеллигенции", в большинстве устояли. Не писали "романов". А собранные следствием "романы" были настолько жалки, что не дали материала для постановки "шахтинского дела научной интеллигенции"» (Н.П. Анциферов)¹⁴⁸.

«Великий перелом» в науке слагался из множества отдельных разгромно-перестроечных кампаний — территориальных, ведомственных, дисциплинарно-тематических. Закрывались подряд ученые общества, издательства, журналы, на их руинах закладывались принципиально другие, тут же начинавшие коренную перестройку непостроенного. Произошел фактический развал всей системы высшего образования (отдельная тема). От краеведческого движения осталось мокрое место (отдельная тема). Развернулось всемыслимое пересоздание «самой классовой и самой политической из наук», как тогда характеризовали историю. Из крупных ветвей науки, она, пожалуй, испытала наибольшие потрясения. Академик Лукин и другие выступали с обширными докладами о работах «русских буржуазных историков», «освещая их данными процесса Промпартии» и соревнуясь в заострении формулировок. Комакадемия и Общество историков-марксистов разыгрывали свои обвинительные представления и перед московской, и перед ленинградской публикой. Специальные конференции, статьи, сборники. Все старые концепции были объявлены ложными... Но события в исторической науке требуют столь детального анализа и влекут столь дальние последствия, что и эту тему, неотрывную от «дела АН», нам приходится лишь обозначить.

«Дело АН» было, понятно, не единственным, которое произошло по персональному составу Академии. Глава московской математической школы почетный член АН Дмитрий Федорович Егоров арестован в 1930 как член «религиозной секты»; выпущенный в 1931, он умер в больнице в Казани. В том же 1930 арестован академик Д.Н. Прянишников, а по «делу Промпартии» забрали членов-корреспондентов АН М.В. Кирпичева и Е.И. Шпитальского¹⁴⁹. Подавляющая

¹⁴⁷ Он упоминал даже об официальных шагах, предпринятых в этой связи германским правительством: Tchernavin V. I speak for the Silent Prisoners of the Soviets. London, 1939, p.366.

¹⁴⁸ Анциферов Н.П. Указ. соч. С. 110.

¹⁴⁹ Среди арестованных по «делу Промпартии» отметим кандидатов в действительные члены АН на выборах 1928-29, не прошедших в академики: П.С. Осадчий, Л.К. Рамзин, Н.Ф. Чарновский, а также тех, кто позже — после заключения — был выдвинут в АН и стал ее членом: Н.Р. Брилинг, М.А. Михеев, Б.С. Стечкин.

часть членкоров, «погоревших» на Великом переломе, была, кстати, из пополнения 1929 года.

А в марте 1931 подошла очередь исключать Рязанова. Тогда же схвачен академик П.П. Лазарев (осенью выслан в Свердловск) — но на этом месте надо остановить себя, ибо до лета 1955 не было ни одного момента, когда не сидел бы кто-нибудь из академиков или членов-корреспондентов АН СССР. Пока что нами учтено примерно 150 членов АН СССР, прошедших через арест, заключение, ссылку, в том числе около ста, испытавших лишение свободы уже после избрания в АН.

Итоги очевидны, они каждый день у нас перед глазами — и все же в заключение соберем вместе хотя бы основной и самый общий счет тогдашних потерь:

Предельное огосударствление науки и бюрократизация ее организационных структур. Пресечение тенденции к саморазвитию, самоорганизации, саморегулированию науки.

Монополизация в науке (при закреплении ведомственной разобщенности), утверждение безальтернативных механизмов ее развития.

Разрушение двуцентризма (Москва и Ленинград) как традиционной схемы организации отечественной науки. Централизация науки, унификация ее региональных структур.

Тотальная идеологизация науки, торжество идеологических предрассудков. Использование науки для подавления религии. Организационное закрепление «партийности» науки (управление через механизмы «планирования» и всепроникающей цензуры; номенклатурные работники над наукой на всех уровнях — от «ученых секретарей» и «заместителей по кадрам» до «отделов по науке»).

Деформация и разрыв информационных связей в науке. Отъединение от мирового научного сообщества.

Ускоренная милитаризация науки. Расползание зон секретности в ней.

Смещение приоритетов в научных исследованиях. Воздвижение препон перед исследованиями фундаментальными. Низведение гуманитарных наук в разряд второсортных.

Вытеснение нравственных норм из научного сообщества. Увеличение бесправия и зависимости основной массы научных работников.